

**Древне-
индийские
афоризмы**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

Главная редакция
восточной
литературы
Москва
1966

ДРЕВНЕ- ИНДИЙСКИЕ АФОРИЗМЫ

СОСТАВЛЕНИЕ,
ПЕРЕВОД И
ПРЕДИСЛОВИЕ
А.Я. СЫРКИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Дхарма	13
Артха	35
Кама	66
Мокша	74
Причисления	96

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ АФОРИЗМЫ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *И. Л. Елевич*
Художники *М. и Т. Асмановы*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *С. А. Боровская и Н. П. Губина*

Сдано в набор 8/II 1965 г. Подписано к печати 14/VII 1965 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 4,92. Уч.-изд. л. 3,27. А10376.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1235. Зак. № 192. Темплан 1965 г. № 786. Цена 17 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Набрано в 3-й типографии издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Отпечатано на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров РСФСР по печати, г. Электросгаль Москов-
ской обл., ул. Школьная, 25. Зак. 798.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здесь собраны образцы древнеиндийской афористики: изречения из басен, поэм, трактатов, созданных в древней Индии. Изречения эти лучше всего говорят сами за себя и вряд ли требуют обширных пояснений. Ниже будет высказано лишь несколько замечаний об афоризмах вообще и об индийской афористике, некоторые черты которой определили характер этой антологии.

Под афоризмом (от греческого *aphorizmos* — букв. «ограничение», «определение») понимают обычно обобщение жизненного опыта, наставление в определенном образе действий, изложенное в сжатой, удобной для запоминания форме. В зависимости от характера традиции — устно-фольклорной или письменной — афоризмы тяготеют, с одной стороны, к типам пословицы, поговорки, с другой — к сентенции, изречению, заповеди¹. Здесь представлены лишь афоризмы второго рода — о них в основном и будет идти речь.

Как особый жанр литературного творчества афористика знакома буквально всем народам, имеющим сколько-нибудь развитую письменную традицию. В специальных сборниках или отдельных изречениях она встречается уже в Египте эпохи Древнего царства, в вавилонских клинописных табличках, в древнегреческой поэзии, в скандинавском эпосе. Многие великие писатели отдали дань афоризму — не только как манере письма, но и как жанру (вспомним стихи Феогнида и Саади, изречения Гёте и Гейне, «Круг чтения» Толстого).

Афористика, проблемы которой изучались до сих пор незаслуженно мало, помогает по-новому осветить ряд важных истори-

¹ Ср. Н. П. Гуля, *Дидактическая афористика древнего Египта*, Л., 1941, стр. 7 и сл.

ко-культурных явлений. Нагляднее всего это показывает изучение жизни афоризма в обществе, его места в культуре и истории народа. Достаточно сказать о степени воздействия афоризма на человеческое поведение, о фетишизации отдельных изречений и заповедей, приобретающих при определенных обстоятельствах поистине «магическую» силу. Можно было бы написать целую историю таких, например, фраз, как «Люби ближнего своего, как самого себя» или «Кто не работает, тот не ест» в их передаче от поколения к поколению, в их связях с общественными движениями, с интеллектуальной жизнью разных стран и времен.

Но общекультурное значение афоризма выступает и при сужении объекта исследования, при рассмотрении афоризма самого по себе — как в закономерностях его выразительных средств: фонетики и ритмики, создающих звуковую ткань изречения, синтаксиса (т. е. принципов сочетания отдельных его членов), так и в свойствах его содержания (т. е. смысловой, семантической стороны изречения).

Здесь мы прежде всего встречаемся с упорядоченностью выражения: ассонансы, ритмика, параллелизм членов, лаконизм — все это, вместе или порознь, отличает облик изречения. Не случайно афористическое творчество с давних времен тяготеет к определенным формам поэтического языка (древнегреческий элегический дистих, санскритская шлока, персидский бейт). Не случайно форма выражения приобретает для нас столь большое значение. Каждый легко может испытать на себе, как нарушение устоявшегося, привычного для нас звучания резко сказывается на интенсивности впечатления (попробуем хотя бы заменить «Тише едешь — дальше будешь» каким-либо тождественным по смыслу выражением). С полным правом можно говорить о художественном воздействии афоризма, о его поэтике. То ощущение непреложности выражения, которое отличает эстетическое восприятие (будь то искусство слова, живописи или музыки), действует и в отношении афоризма: именно упорядоченность, «неизбыточность» выразительных средств выделяет его среди ряда адекватных по смыслу сообщений, изложенных разными способами.

При взгляде на содержательную, смысловую сторону изречения сразу же обращает на себя внимание семантическая емкость афоризма. Можно сказать, что в рамках заданных средств выражения афоризм призван наиболее экономным образом упорядочить максимум содержания. Последнее заключается прежде всего в том, что две (или более) ситуации приводятся здесь в связь друг с

другом — изречение раскрывает их взаимозависимость, сходство или различие их функций и т. п. Часто подобное объединение происходит совершенно неожиданно — с помощью образного сравнения, яркой метафоры, соединяющей, казалось бы, несоединимые понятия (например: «Вести беседу с дураком — что причитать в лесу, умащивать труп, сажать лотос в песок...»), С одной стороны, эта богатая образность опять-таки роднит изречения с художественной словесностью. С другой — стремление найти связь между различными явлениями и ситуациями сближает афоризм с научным описанием. Разумеется, формуле, связывающей факты житейского опыта, далеко до формулы, согласующей результаты естественнонаучного эксперимента: понятия, которыми пользуется изречение, лишены строгой определенности научного термина, а связь между ними отнюдь не переводима на язык точного исчисления. И все же, несмотря на принципиальное различие средств, сама тенденция однозначным образом согласовать и упорядочить содержание опыта характеризует и научное творчество, и афористическое. Можно заметить здесь, что уже на заре своего существования наука тяготеет к афористическому типу выражения, подчас полностью сливаясь с афористикой. Таковы изречения Гераклита и Гиппократов, поэмы Парменида и Лукреция, бесчисленные ученые трактаты в стихах (индийские, персидские, греческие, латинские). С другой стороны, не случайно среди авторов известных афоризмов мы встречаем выдающихся ученых — Леонардо да Винчи, Паскаля, Эйнштейна.

Так определяются непосредственные соседи афоризма, связанные с ним множеством нитей. План выражения роднит его с художественным творчеством, план содержания — с творчеством научным. Афоризм стоит на рубеже искусства и науки, в своем неразрывном сочетании формы и смысла он выступает как связующее звено между двумя основными сферами культуры.

* *

*

С давних времен индийская традиция придавала первостепенную важность воспитательной роли литературы, видя в этом ее основную ценность. Отсюда — явственная этико-практическая направленность самых различных литературных памятников древней Индии. Не только конкретные заповеди, но и отвлеченные рассуждения и увлекательные сказки принято было рассматри-

вать прежде всего как средство нравственного совершенствования, как проповедь определенных норм поведения. В духе древнеиндийских методов описания эти нормы были подвергнуты четкой систематизации. Здесь мы назовем лишь некоторые основополагающие понятия, помогавшие многим поколениям индийцев осмысливать и упорядочивать собственную деятельность. Это четыре принципа, четыре жизненные цели, как бы образующие каркас человеческого поведения. Сюда входили *дхарма* («закон, «долг», «добродетель») — исполнение семейных, общественных, религиозных обязанностей; *артха* («суть», «польза», «выгода») — дела, направленные на приобретение материальных благ, в более общем смысле — вся стратегия житейского поведения; *кама* («любовь») — удовлетворение чувственных побуждений и *мокша* («освобождение») — избавление от мирских страстей и заблуждений, познание высшей правды. Первые три: долг, польза, любовь — с разных сторон охватывали все, что делает человек, активно взаимодействуя с окружающим его миром. Традиция призывала разумно сочетать эти принципы в поступках, отдавая долг каждому и ничем не злоупотребляя. Четвертый принцип — «освобождение» — как бы дополнял их, создавая им известный противовес: он исходил не из активного приятия жизни, а из стремления преодолеть жизненные противоречия в пассивном размышлении и созерцании. Последнее нередко выдвигалось как основная цель человека на исходе жизни. При этом здесь имелось в виду освобождение от цепи существований, через которые, согласно воззрениям индуизма, проходят смертные, воплощаясь во все новых образах, в зависимости от поступков, совершенных в предыдущих рождениях (закон *кармы*). Четыре принципа помогали описывать не только поведение, но и литературные памятники согласно преобладающей в них тенденции, причем как специально дидактические произведения (например, наставления в *дхарме* — *дхармашастры*, в *артхе* — *Артхашастра* и т. д.), так и повествовательные.

Все это в известной мере объясняет афористичный характер древнеиндийской литературы, обилие изречений, рассеянных в самых различных текстах. Изречения эти, как правило, изложены стихами, чаще всего — излюбленным размером эпической поэзии, шлокой (два шестнадцатисложных стиха со схемой: $\sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim \sim$), сравнительно реже — другими, более сложными и вычурными размерами.

Мы встречаем афоризмы уже в древнейших памятниках индийской словесности: в гимнах *Ригведы*, складывавшихся, возможно, в III—II тысячелетиях до н. э.; в комментариях к этим гимнам, прежде всего комментариях отвлеченного, умозрительного характера — *упанишадах*, ранние из которых (такие, как, например, *Брихадараньяка* и *Чхандогья*) были созданы, по-видимому, около VIII—VI вв. до н. э. Целую литературу изречений дают канонические буддийские тексты, оформлявшиеся в V—III вв. до н. э., — прежде всего вторая часть канона *Сутта-питака* («Собрание текстов»), в особенности пятый ее раздел, *Кхуддака-никая* («Собрание кратких поучений»), включающий, в частности, *Сутта-нипату* и *Дхаммападу*. Богат афоризмами грандиозный эпос *Махабхарата* (наиболее характерны в этом отношении такие его части, как *Бхагавадгита* и *Мокшадхарма*). Многочисленными изречениями пересыпают свои речи герои сказок, оправдывая свой образ действий, вразумляя собеседника и т. п. Среди сборников таких сказок назовем *джатаки* — сказания о рождениях Будды (около III—II вв. до н. э. и более поздние обработки); *Панчатантру*, или «Пять книг» (около III—IV вв. н. э.), — кстати, традиция относилась к разряду наставлений в политике и разумном поведении (*нитишастра*); *Хитопадешу*, или «Полезное наставление», — одну из более поздних (X—XIII вв.) обработок *Панчатантры*; «Жизнь Викрамы, или тридцать две истории царского трона» (около XI в.); «Семьдесят рассказов попугая» (XII—XIV вв.) и др.

Яркие изречения можно найти в ученых трактатах (*шастрах*, *сутрах*) — наставлениях в различных отраслях знания, например в «Законах Ману» (около II в. до н. э. — II в. н. э.), в *Артхашастре*, или «Науке политики», которую приписывали советнику царя Чандрагупты Каутилье, иначе Чанакье (конец IV в. до н. э.); в *Камасутре*, или «Науке любви» Ватсьяяны (около III—IV вв. н. э.).

Известны и целые сборники афоризмов. Наиболее знаменитый из них — триста стихотворений Бхартрихари (возможно, 1-я половина VII в. н. э.); в известном соответствии с приведенной выше классификацией он делится на три части: «Сто стихов о житейской мудрости», «Сто стихов о любовной страсти» и «Сто стихов об отречении». Среди, по-видимому, более поздних произведений — стихотворения Бхаллаты, «Сто стихов о покое» Шильханы. Отдельные собрания традиция приписывала упомянутому выше Чанакье. Уже на рубеже нового времени составляются обширные своды изречений из классических памятников: антологии

Шарягадхары (1363 г.), в которой сохранилось 4689 афоризмов; Валлабахадевы (около XV в.) — 2527 афоризмов — и некоторые другие.

Трудно охарактеризовать в немногих словах все эти изречения, представленные отчасти в настоящем сборнике, — они затрагивают самые различные стороны человеческих отношений: имущественные, политические, чувственные, духовные. Читатель встречается здесь с незнакомыми, подчас чуждыми ему обычаями и взглядами. Перед ним встает жизнь далекого общества древней Индии со своеобразными семейными и религиозными установлениями. Общество это строго разделено на касты, высшие из которых — жрецы-брахманы и воины-кшатрии — были носителями литературной традиции, сохранившей нам эти изречения. Этот уклад и нравы, столь отличные от наших, неизбежно вызвали к жизни мысли, с которыми сегодня согласится отнюдь не каждый (взять хотя бы отдельные представления о взаимоотношениях господина и слуги или о женщине и ее роли в семье). При этом не все мысли согласуются и друг с другом (такова, например, явная противоречивость рассуждений о пользе усердия и о бесплодности усилий) — возможное отражение специфичных черт индийской дидактики, как говорилось уже, объединяющей в себе противоположные принципы поведения. Вместе с тем исключение подобных «несовместимостей» представлялось далеко не лучшим решением вопроса — читатель увидел бы неполную, по сути дела искаженную, картину древнеиндийской мысли, не получил бы представления о многих характерных ее образцах.

Гораздо важнее подчеркнуть здесь другое — как близка нам значительная часть этих изречений. Они не только переносят читателя в мир, отделенный от него тысячами лет, — они возвращают читателя самому себе, заставляют взглянуть на собственные намерения и дела, они оценивают уже его собственное поведение. Не стоит приводить примеры, каждый легко найдет их сам. Укажем здесь лишь на одно непосредственное проявление этой общечеловечности — обилие параллелей, которые находят себе древнеиндийские мысли в афористике — устной и письменной — разных стран и веков. Перечень подобных совпадений сам по себе составил бы целую книгу. Вот, например, такое изречение: «Кого боги задумали погубить, того они лишают рассудка» — сюда оно вошло из *Махабхараты*, а европейский читатель давно уже знает его из другого источника — древнегреческой трагедии, пожалуй не уступающей в старшинстве своей индийской параллели. Вот дру-

гая мысль, тоже из *Махабхараты*: «Не делай другому того, что было бы неприятно тебе самому». Эту заповедь, которой трудно найти равную по нравственной высоте и логической стройности, мы встречаем у Конфуция, у Аристотеля, в Книге Товита; именно этими словами, согласно преданию, ответил две тысячи лет назад Гиллель, когда некий язычник попросил передать ему сущность иудейского вероучения за то время, что он устоит на одной ноге. Мысль Бодхисаттвы о том, что нельзя быть счастливым, если другой несчастлив, вновь выразил устами своих героев Достоевский и повторял Малер. А вот слова Эйнштейна, звучащие как перифраз заключительных строк этой книги: «Я чувствую себя настолько солидарным со всем живущим, что для меня безразлично, где начинается и где кончается отдельное»¹.

Основными источниками этого сборника послужили *Махабхарата*, *Панчатантра*, *Хитопадеша*, «Жизнь Викрамы», *упанишады*, *Сутта-нипата*, *Бхартрихари*, «Законы Ману» и некоторые другие тексты на языках древней Индии — санскрите и пали. Были широко использованы изречения, собранные и изданные О. Бётлингком (*Indische Sprüche*, Th. I—III, 2 Aufl., St. Petersburg, 1870—1873).

Источник каждого отдельного афоризма в настоящей антологии не указывается. К этому побудила нас прежде всего невозможность сколько-нибудь последовательно провести данный принцип. Дело в том, что индийские изречения — буквально или с незначительными вариациями — зачастую одновременно встречаются в разных источниках: отдельных сборниках сказок, *Махабхарате*, у *Бхартрихари* и т. п. Чтобы распределить подобные свидетельства в порядке старшинства и установить первоисточник каждого афоризма, потребовалось бы предпринять ряд специальных текстологических исследований — задача весьма сложная, часто (если учесть состояние древнеиндийской хронологии) вообще невыполнимая. В большинстве случаев перед нами по сути дела анонимные изречения, переходящие из произведения в произведение; нередко они освящаются именем того или иного древнего авторитета (леген-

¹ Передано Максом Борном в его «Воспоминаниях об Эйнштейне». См. М. Борн, *Физика в жизни моего поколения*, М., 1963, стр. 391.

дарного законоучителя Ману, Чанакьи и т. д.), что отнюдь еще не решает проблемы действительного авторства. Ссылки же на все или даже основные текстовые параллели лишь загромоздили бы издание, отнюдь не преследующее научных целей, и без дополнительных пояснений мало что дали бы читателю.

Стремясь по возможности точно передать мысль оригинала, мы переводили текст прозой и, как правило, вынуждены были — что, впрочем, представляется неизбежным — жертвовать некоторыми выразительными средствами. Там, где буквальный перевод звучал чересчур тяжело, мы прибегли к более свободному переводу, разумеется, стремясь сохранить смысл высказывания. Некоторые источники собранных здесь афоризмов уже появлялись на русском языке — отдельные толкования были нами учтены при подготовке настоящего издания. Прежде всего это относится к переводам П. А. Гринцера («Жизнь Викрамы»); Б. Л. Смирнова (отдельные части *Махабхараты*), В. Н. Топорова (*Дхаммапада*).

В заключение — о распределении материала. В основу здесь была положена уже упомянутая классификация по четырем принципам: *дхарме*, *артхе*, *каме* и *мокше*, куда мы ввели некоторые частные подразделения. Ряд афоризмов, как увидит читатель, в силу своей содержательной емкости выходит за рамки одного принципа, затрагивая, скажем, области *дхармы* и *артхи* или *дхармы* и *мокши* (например, мысли о человеколюбии и самоотречении). Помещая афоризм в том или ином разделе, мы в сомнительных случаях пытались учитывать контекст и тенденцию данной мысли (напутствует ли она в практической деятельности, в нравственном долге, в отказе от действия и т. д.). Разумеется, здесь, как и в системе условно введенных нами рубрик, едва ли удалось избежать недостатков. И все же, думается, композиция настоящего сборника имеет и известные преимущества. Главное из них: изречения по возможности поданы в соответствии с важными канонами создавшей их культуры. А это налагает полезные ограничения на неизбежную субъективность составителя и увеличивает познавательную ценность книги.

* *
*

Выражаю глубокую признательность О. Ф. Волковой, П. А. Гринцеру, Е. А. Суриц за ценные советы.

Д Х А Р М А

О ДОЛГЕ

Исполняй свой долг, не думая об исходе; исполняй свой долг, принесет ли это тебе счастье или несчастье. Кто исполняет долг и спокойно, не радуясь и не печалься, встречает любые последствия, тот поистине велик душою.

Лучше худо исполнять свой долг, чем хорошо — чужой. Не совершает греха тот, кто следует собственной природе.

Различие царит на земле: один отрекся от мира, другой отдает дань житейским законам, третий наслаждается любовью.

Не совершай того, чего не следует делать — даже под угрозой смерти; не откладывай того, что следует сделать, — вот извечная заповедь.

Ненасилие, правдивость, чистота, отсутствие зависти, доброта, мягкость — вот всеобщий долг.

И в несчастье следует блюсти долг, радоваться своему уделу, быть одинаковым ко всем существам.

Лучше мгновенье, прожитое в законе, чем миллионы лет беззаконной жизни.

Не сегодня, так завтра погибнет наше тело среди горестей и болезней. Что пользы преступать ради него долг?

О ДОБРОДЕТЕЛИ И ПОРОКЕ

Добродетель в том, чтобы делать ближним добро и не причинять зла. А делать ближним добро — это делать для них то, чего желал бы самому себе.

Не делай другому того, что было бы неприятно тебе самому.

Думай при каждом пробуждении: «Какое добро совершить мне сегодня? Зайдет солнце и унесет с собой часть моей жизни».

Словно отблеск луны в воде, непрочно жизнь смертных; зная это, непрестанно твори добро.

Благодееание, совершенное тобой, идет тебе же на пользу. Не отвечай же злом на зло — всегда твори добро.

Что толку ублажать свое тело мучениями других существ? Ведь удел его — черви, пепел, гниль.

Глупец лишь грешит ради злосчастливого тела — вместилища всех нечистот, неблагодарного и бренного.

Все наши дела, мысли и речи следуют за нами — творите же добро!

Не совершай ничего, что будет мучить тебя на смертном одре. Ибо жизнь мгновенна!

Пока здорово твое тело, пока старость далека, пока способности твои в расцвете, пока не истекла жизнь — всеми силами стремись к совершенствованию. Что пользы рыть колодезь, когда дом охвачен пламенем?

Бренно тело, преходящи богатства, всегда наготове смерть — умножай же добрые дела!

Живи в молодости так, чтобы быть счастливым в старости.

Ты думаешь: «Я один» — и не знаешь, что сердце твое не покидает мудрец, взирающий на добро и зло, творимые тобою.

Как ни мало благодеяние, оно пустит сотню ростков, если оказать его достойному.

Никакое добро не пропадает даром.

Лишь три вещи дороги в этом мире: еда, питье и доброе слово.

Жизнью, достоянием, мыслью и словом непрестанно творить добро ближним — вот смысл существования.

Не гневайся, не презирай никого, не предавай друга, не чти низкого, не будь высокомерен, не делай зла, избегай грубой речи.

Побеждай гнев мягкостью, зло — добром, жадность — щедростью, ложь — правдой.

Ничто не трудно тому, кому пища нужна лишь для поддержания жизни, совокупление — для продолжения рода, слова — для правдивой речи.

Нет добродетели выше правдивости, нет порока хуже лжи.

Не лги ближнему или лги как можно меньше — вот высшая добродетель.

Без усталости нести бремя, не бояться ни зноя, ни холода, всегда быть довольным — трем этим достоинствам следует учиться у осла.

Украшение человека — мудрость, украшение мудрости — спокойствие, украшение спокойствия — отвага, украшение отваги — мягкость.

Дар, сопровождаемый добрым словом; ученость, свободная от кичливости; мужество, сочетающееся с мягкостью; богатство, соединенное со щедростью, — вот четыре редких блага.

Нет подвижничества, равного терпеливости; нет счастья, равного удовлетворенности; нет дара, равного дружбе; нет добродетели, равной состраданию.

Что такое добродетель? — Сострадание к ближним. Что такое счастье? — Здоровье. Что такое любовь? — Доброе настроение. Что такое ученость? — Правильное решение.

Есть ли драгоценность, равная даянью? Есть ли богатство, равное удовлетворенности? Есть ли украшение, равное благородству? Есть ли приобретение, равное здоровью?

Прекрасны тонко отшлифованная драгоценность; победитель, раненный в бою; слон во время течи; река, высыхающая зимой; луна на исходе; юная женщина, изнуренная наслаждением, и даятель, отдавший все нищим.

Кто станет бояться смерти, если он стоек в добродетели?

Говори приятное, но не льсти; будь героем, но без хвастовства; будь щедрым, но не к недостойным; будь смелым, но без дерзости.

Не видно следа птицы в воздухе и рыбы в воде — таков и путь добродетельных.

Во всех делах будь чист помыслами. Возлюбленную целуют по-одному, дочь — по-иному.

Дружелюбие в делах, мыслях и речах, предупредительность и щедрость ко всем — вот извечный закон для добродетельных.

Подавляй себя, приноси дары, будь сострадательн — таковы три заповеди.

На восходе солнце красно, красно оно и на закате. И в счастье, и в несчастье неизменны великие.

Пусть смерть нависла над тобой, пусть она отдалена веками — праведный не сходит со своего пути.

Скупой на злые речи, щедрый на добрые, удовлетворенный своей женой, остерегающийся порицать ближних — вот редкое украшение земли.

Воздержание от зла, дружелюбная речь, правдивость, чистота, сострадание, терпеливость — вот всеобщий долг.

Дела должны вести нас к счастью. Но где нет справедливости, нет счастья. Поступай же справедливо.

Тот велик, кто становится слепым перед чужими женами, хромым в погоне за чужим богатством, немым, слыша хулу на ближних.

Два сладостных плода приносит ядовитое древо бытия: наслаждение нектаром поэзии и общение с добрыми людьми.

Суть миллионов книг — в одном стихе: заслуга — в добре ближнему, грех — в зле ближнему.

Разница между достойным и недостойным та же, что между коровой и змеей: первая превращает траву в молоко, вторая превращает молоко в яд.

Сколько достоинств у человека, столько и пороков. Никто не рождается на свет без пороков.

Не было, нет и не будет человека, достойного одного лишь осуждения или одной лишь хвалы.

Во всех сословиях есть чандалы, во всех сословиях — брахманы; есть чандалы среди брахманов, есть брахманы среди чандал.

Легко увидеть чужие грехи, трудно увидеть свои. Чужие грехи мы пускаем по ветру, словно шелуху, а свои скрываем, как плут скрывает неудачный ход.

Как ловок благородный, когда надо скрыть чужой порок! Как неловок он, когда приходится обнаружить свои достоинства!

Достоинства не так бросаются в глаза, как пороки.

Подражай хорошему даже во врагах, не подражай дурному даже в родителях.

Внимай полезной речи, пусть она исходит от ребенка; не слушай дурных речей, пусть они исходят от старца.

Кого из нас не возвышает общение с великими? И капля воды, попав на лепесток лотоса, блистает, словно жемчуг.

С великим трудом поднимаем мы камень на гору, а вниз он падает мгновенно — так же влекут нас вверх добродетели и вниз — пороки.

Поборов гордость, человек становится приятным. Поборов гнев, он становится веселым. Поборов страсть, он становится преуспевающим. Поборов алчность, он становится счастливым.

Лучше молчание, чем лживая речь. Лучше бессилие в любви, чем связь с чужой женой. Лучше смерть, чем наслаждение неправдой. Лучше нищенское пропитание, чем присвоение чужого добра.

Сердце злодея твердо в счастье и мягко в несчастье; сердце достойного мягко в счастье и твердо в несчастье.

У добрых сначала старятся помыслы, потом — тело; у злодеев старится лишь тело, помыслы же — никогда.

Злодею ученость служит для споров, деньги — для высокомерия, власть — для угнетения. Доброму же — наоборот: ученость — для увеличения знаний, деньги — для подаяния, власть — для защиты ближних.

Вот тройные врата преисподней, ведущие человека к гибели: похоть, гнев, алчность.

Чем отличаются от скотов люди, лишенные добродетели? Только и способны они испражняться, жрать и совокупляться.

Наглее всего злодей с мягкими, ибо чувствует здесь безопасность. Но как быстро исчезает его наглость при малейшей опасности!

Злодей подобен кошке: он царапает руку, которая протягивает ему еду.

Кто, зная о злодействе и имея силы ему воспрепятствовать, не сделал этого — виновен наравне со злодеем.

Шестеро не помнят тех, кто помогал им раньше: ученик — учителя, женатый сын — мать, разлюбивший муж — жену, достигший цели — помощника, выбравшийся из чащи — проводника, больной — врача.

Убийца брахмана, пьяница, евнух, клятвопреступник, лжец могут еще искупить свой грех, но никогда не искупит свой грех неблагодарный.

Добродетель в сердце злодея — что капля воды на раскаленном железе.

Не доверяй низкому, пусть он прикрывается подвижничеством. И у священных источников живут алчные монахи.

Чаше весов подобен ничтожный человек: чуть что — он возносится, чуть что — падает.

Злодея не сделаешь добрым. Как ни отмывай задний проход, он не станет глазом.

Пьяный, опрометчивый, безумный, утомленный, разгневанный, голодный, жадный, робкий, торопливый и влюбленный — все не знают закона.

Увы! Кто создал это общение с низкими? Вначале — услуги, лесть, скромность; потом — бесплодные цветы всевозможных речей; под конец же — клевета, наглость и презрение.

Следи за своим поведением. Каждый день спрашивай себя: «Что общего у меня со скотом? Что — с добродетельным?»

О СПОКОЙСТВИИ И ГНЕВЕ

Неизменно сердце доброго — пусть его гnevают; не нагреется океан от горящей соломы.

Терпение — добродетель бессильного и украшение сильного.

Не сердись на рассерженного, отвечай мягкостью на грубость, не говори суетного и лживого.

Спокойно переноси поношения, ни на кого не гневайся, ни с кем не враждуй ради бренного тела.

Тот настоящий человек, кто сбрасывает подступивший гнев, как змея сбрасывает старую кожу.

Лучшие гневаются мгновение, средние — полдня, низкие — день и ночь, худшие никогда не свободны от гнева.

Низкий на все отвечает грубостью, средний — грубостью на грубость, достойный же никогда не груб, как бы с ним ни обращались.

Кто не отвечает гневом на гнев, спасает обоих — и себя, и другого.

Не будь груб ни с кем — тебе ответят тем же. Сердитая речь причиняет боль, и тебя постигнет возмездие.

Кто не отвечает ни на излишнюю хвалу, ни на порицание, кто не отвечает ударом на удар, кто не желает зла обидчику, тому завидуют боги.

Что сделает злодей тому, в чьей руке меч спокойствия? Когда огонь не находит травы, он сам успокаивается.

Мягкость побеждает мягких, мягкость побеждает суровых. Нет ничего недостижимого для мягкости. Мягкость сильнее всего.

Один неустанно, месяц за месяцем, весь век приносит жертвы, другой ни на кого не гневается. Кто же выше? — Свободный от гнева.

О СОСТРАДАНИИ И ЧЕЛОВЕКОЛЮБИИ

И злым, и добрым, и заслуживающим смерти должен сочувствовать благородный. Ибо нет человека, свободного от вины.

Жестокость — даже к злым — ведет в ад. Что же говорить о жестокости к добрым?

Пусть жизнь твоя в опасности — не причиняй зла жене, жрецу, аскету и ребенку, тем более если они доверяются тебе.

Невелика мудрость — обмануть доверчивого. **Невелико мужество** — убить заснувшего на твоей груди.

Легко найти людей, готовых дарить золото, коров и землю; трудно найти человека, проникнутого состраданием ко всему живому.

Нет большей скверны, чем питать свою плоть плотью других существ.

Вот один поедает мясо другого — погляди же на разницу между ними: одному — минутное удовольствие, другому — утрата жизни.

Позволяющий убить, разрезающий, убивающий, продающий, покупающий, стряпающий, подносящий поедающий мясо — все убийцы.

Сострадание правит миром. Не может злодей повредить тому, в чьих руках оружие сострадания.

Не творить зла — вот высшая добродетель, залог всеобщего блага. Даже вшей, клопов и moskitov следует щадить.

Как могу я быть счастлив, если другой несчастлив? Как могу я равнодушно взирать на него, когда в моих силах помочь?

Сколь велико страдание человека при мысли: «Смерть неизбежна»! Так подумав, можно защитить и врага.

Кто радуется при виде радующихся и горюет при виде горюющих, тому ведома высшая добродетель.

Слаб от природы разум зверей, и тем более они, бедные, заслуживают жалости. Сходны помыслы живых существ — все стремятся к приятному и отвращаются от неприятного. Пойми это и не делай другим того, что нежеланно тебе самому.

Высшей власти достигает тот, кто видит во всех существах себя и все существа — в себе.

Если ты стремишься к счастью, смотри на ближнего, как на самого себя, — ведь одинаковы радости и горести у тебя и у ближнего.

Даже тот, кто далеко, стоит рядом, если он в твоём сердце; даже тот, кто стоит рядом, далек, если твои мысли далеки от него.

Лишь ограниченные люди различают: «этот — свой, этот — чужой». Для возвышенных вся земля — одна семья.

Все стремятся к счастью и страшатся несчастья. Поэтому, если хочешь счастья для себя, то заботься о счастье другого и сам будешь счастлив.

Как тебе самому дорога жизнь, так дорога она и другим существам. Сравнив себя с другими, добрые люди оказывают сострадание.

В деянии и в отказе, в счастье и в несчастье, в приятном и в неприятном человек познает меру, сравнивая себя с другим.

Тот мудр, кто глядит на чужую жену, как на мать, на чужое добро — как на ком земли, на себя — как на всех других.

Тот лишь истинно живет, чьей жизнью живы многие. Что пользы от ворона, набивающего свою утробу?

Пусть недолго проживет человек — жизнь его счастлива, если он прожил ее ради ближних.

Мудрый отдаст ради ближнего и богатство, и жизнь — ведь и то, и другое обречено на гибель; так не лучше ли отказаться от них для доброго дела?

Велика ли заслуга быть добрым к тому, кто сам добр к тебе? Быть добрым к тому, кто вредит тебе, — вот истинная доброта.

Ради помощи другим текут реки, ради помощи другим дают молоко коровы, ради помощи другим приносят плоды деревья, ради помощи другим свершают свои дела добрые люди.

Помогай ближнему — пусть жизнь твоя держится на волоске. Помочь ближнему — все равно что совершить сотню жертвоприношений.

Добрым нравом привлекай друга, усердием — родственников, дарами и вниманием — женщин и слуг, обходительностью — остальных.

Будь внимателен к гостю — пусть он твой враг. Даже лесорубу с топором дерево не отказывает в тени.

Пусть хозяева — муж с женой — накормят сначала ребятишек, незамужних дочерей, стариков, беременных, больных, девочек, гостей и слуг. И лишь накормив их, пусть едят сами что останется.

Благородный жертвует своим добром, чтобы помочь ближнему; средний помогает, не жертвуя; низкий губит чужое добро ради своего. Как же назвать того, кто вредит без пользы для себя?

Даятель дорог людям, а не богач. Люди благословляют облако, дающее воду, а не все воды океана.

Дар, что дается с мыслью: «надо дать», без надежды на вознаграждение, в должном месте, в должное время и достойному — вот благой дар.

Лучший дает без просьбы, средний — по просьбе, низкий не дает, несмотря на просьбы.

О ВОЗДАЯНИИ

Человек, творящий зло, — враг самому себе: ведь сам он и вкусит плоды своего зла.

Зачем замышлять зло против тех, кто вредит тебе? Придет время, и они сами падут, как падут деревья, растущие на берегу реки.

Никто не избежит наказания за несправедливость — если не сам поплатится за нее, то сыновья, если не сыновья, то внуки.

Дела человека низводят его вниз и возносят вверх, словно труды роющего колодезь и строящего храм.

Дело стоит рядом со стоящим, идет за идущим, творит с творящим. Оно следует за ними подобно тени.

Богатство оставляет умершего на пороге дома, друзья и родные оставляют его на кладбище, лишь добрые и злые дела следуют за ним и после смерти,

Тело — вместилище счастья, тело — вместилище несчастья. За все, содеянное телом, — тело же и вкушает воздаяние.

Почему и чем, и как, и когда, и что, и насколько, и где совершил ты добро или зло, потому и тем, и так, и тогда, и то, и настолько, и там следует воздаяние по воле творца.

Болезни, горести, страдания, узы, невзгоды — все это плоды с древа проступков, совершенных смертными.

Знание зависит от ученья, почет — от дел, благополучие — от усердия, награда — от судьбы.

Все усилия ради тела бесплодны. Все усилия ради разума приносят плоды.

О СЛОВЕ И МОЛЧАНИИ

Все определяется словом, коренится в слове, вышло из слова. Кто лжет в слове, тот лжет во всем.

Кто промолчит, зная правду, подобен лжесвидетелю.

Двумя добродетелями блистает человек в этом мире: не говоря грубых слов и не возвеличивая недостойного.

Ничто так не ободряет человека, как доброе слово.

Весь наш мир был бы окутан мраком, если бы не освещал его светильник, имя которому — слово.

Одного брата рождает нам мать, другого — речь, и родство, рожденное речью, выше родства по матери.

Заживает рана, нанесенная стрелой, вновь поднимается лес, вырубленный топором, но не заживает рана, нанесенная злым словом.

Ничтожен тот, кто способен говорить о чужих недостатках или о своих добродетелях. Ни о чужих недостатках, ни о своих добродетелях не говорит истинно достойный.

Благородный говорит лишь о достоинствах ближнего, хоть тот лишен их; низкий — лишь о недостатках. И пусть оба они лгут — первый идет на небо, второй — в преисподнюю.

Не подобает разумному вести в собрании дурные речи о другом. Даже о правде следует умолчать, если она принесет несчастье.

Говори правдивое и приятное; не говори правдивого, но неприятного; не говори приятного, но неправдивого — вот извечная заповедь.

Осень приносит гром без дождя, пора дождей — дождь без грома. Низкий говорит, не делая; достойный делает, не говоря.

Один лишь раз приказывает царь, один лишь раз высказывает свое суждение достойный, один лишь раз выдают замуж девушку — три эти дела делают лишь раз.

От ничтожных всегда много шума. Разве бывает от золота столько шума, сколько от меди?

Нельзя остановить пения безумца, лепета ребенка и слов женщины.

Молчание лучше слов.

О СЕМЕЙНОМ ДОЛГЕ

Пусть мать будет для тебя богом, пусть отец будет для тебя богом, пусть учитель будет для тебя богом, пусть гость будет для тебя богом.

Учитель лучше десяти брахманов, отец — десяти учителей, мать — десяти отцов и всего, что есть на земле. Кто сравнится с матерью? Следует оставить учителя, сошедшего с праведного пути, но никогда нельзя оставить мать. Уж тем, что выносила тебя во чреве своем, она выше всех.

Трое несут тебе добро, движимые собственной природой: мать, друг и отец. Когда же прочие добры к тебе, то лишь по особому поводу.

Престарелых родителей, верную жену и малого сына следует кормить, пусть они совершили злых дел без числа.

Отец охраняет ее в детстве, муж — в юности, сын — в старости. Нельзя предоставлять женщину самой себе.

Плох тот отец, чья дочь не выходит замуж вовремя. Плох тот муж, что не живет со своей женой. Плох тот сын, что не охраняет мать после смерти ее мужа.

Лишь рождается дочь на свет, как похищает рассудок матери; растет, принося горе друзьям, а выйдя замуж, дурно ведет себя. Дочери — великое несчастье.

«Попадет ли в руки достойному? Удовлетворит ли его? Окажется ли без недостатков?» — так, создав произведение, поэт беспокоится за него, словно за дочь.

Узнай о женихе семь вещей: каковы его знания, род, характер, опекун, богатство, красота и возраст — и выдавай девушку, не заботясь о прочем.

Женщина создана рожать, мужчина — производить потомство.

Корми жену и одевай ее, особенно во время, благоприятное для зачатия; дари ей украшения и все прочее, но не советуйся с ней.

Хорошая жена трудится на тебя, как слуга; дает советы, как советник; прекрасна, как богиня красоты; спокойна и вынослива, как земля; кормит тебя, как мать, и услаждает тебя, как гетера. Хорошая жена — шесть лиц в одном.

Ничто так не сокращает жизни, как близость с чужой женой.

Та настоящая жена, которая разумно ведет хозяйство; та настоящая жена, которая приносит потомство; та настоящая жена, жизнь которой — в муже; та настоящая жена, которая верна мужу.

Дурная жена, находящая удовольствие в непре-

станных ссорах, это не жена, а старость, принявшая женский облик.

Пьянство, общение с дурными, разлука с мужем, скитание, сон и житье в чужом доме — вот шесть вещей, губящих женщину.

У женщин тысячи недостатков и три достоинства: уход за домом, рождение детей и смерть вместе с супругом.

Женщина сияет — весь дом сияет, женщина мрачна — весь дом погружен во мрак.

Быстро погибает та семья, в которой горюют женщины. Всегда процветает та семья, где они счастливы.

Хозяйка дома — вот что такое дом. А дом без хозяйки подобен лесу.

Пусть нет у женщины украшений, муж — лучшее ее украшение. Пусть прекрасна лишенная мужа — нет у нее красоты.

Нет родственника, равного мужу; нет друга, равного мужу; нет защитника, равного мужу; нет убежища, равного мужу.

Добр ли муж или зол, наделен ли всеми пороками — его спасает жена, верная своему долгу.

Не звучит лютня без струн, не катится повозка без колес, несчастлива женщина без мужа — пусть у нее сотня родичей.

Бесплодна жизнь женщины, лишившейся супруга. Почет, гордость, любовь родных, уважение слуг — все это уходит вместе с супругом.

«Сын твой — это ты сам, рожденный тобой», — так говорят мудрецы. Пусть же муж взирает на жену, родившую ему сына, как на собственную мать.

Как ни плох родной сын — невоспитан, уродлив, глуп, распутен, зол — он все же радуется сердцу.

До пяти лет обращайся с сыном, как с царем, с пяти до пятнадцати — как со слугой, после пятнадцати — как с другом.

А Р Т Х А

ОБ УСЕРДИИ

Делай урочное дело: действие лучше бездействия.

Что нужно делать завтра — делай сегодня, что нужно делать после полудня — делай до полудня. Смерть не разбирается, что сделано и что не сделано.
3*

Пусть мудрый печется о знании и пользе так, словно он неподвластен старости и смерти. Пусть творит он добро так, словно смерть уже схватила его за волосы.

Падая с неба, вода уходит в землю, и она же поднимается из земли через колодец. Безмерно могуча судьба, но могучи и людские дела.

Того посещает богиня счастья, кто трудится, подобно льву. Лишь ничтожные говорят: «Все от судьбы!» Одолевай судьбу мужественными делами; если же усердие твое не увенчается успехом, то нет на тебе вины!

Все задуманное можно осуществить человеческими усилиями. То, что зовем мы судьбою, есть лишь незримые свойства людей.

Лишь усилиями достигаем мы цели, а не желаниями. Не полезет газель в пасть спящего льва.

Не катится колесница на одном колесе, не совершается судьба без людских усилий.

Не приносят пользы мудрые наставления тому, кто страшится действия. Что проку от светильника в руках слепого?

Нельзя одной рукой хлопать в ладоши, нельзя добиться успеха без усердия.

Будь умерен в трех делах: любви, еде и приобретении денег. Будь неумерен в трех делах: учении, подвижничестве и щедрости.

Человек должен трудиться — плохо ему, когда он бездействует.

Мир и труд — вот источник благополучия.

О ПОЛЕЗНОМ, БЕСПОЛЕЗНОМ И ВРЕДНОМ

Что пользы в отваге, не защищающей слабых? **Что** пользы в деньгах, не помогающих бедным? **Что** пользы в действии, не направленном на добро? **Что** пользы в жизни, не приносящей славы?

К чему деньги, если нет помощи беднякам? **К** чему служба, если нет усердия в услугах? **К** чему соитие, если нет желания родить сына? **К** чему юность, если нет встречи с любимым?

В восьми случаях нельзя жалеть денег: на жертвоприношение, на свадьбу, в бедствии, на истребление врагов, на славное предприятие, на прием друга, на любимую женщину и на помощь родственнику.

К чему украшение без одежды? **К** чему еда без масла? **К** чему женщина без груди? **К** чему жизнь без знания?

Что проку в учености, направленной на зло? **Что** пользы в светильнике, накрытом горшком?

Два средства есть от телесных и душевных недугов: или примени противодействие, или не думай о них.

Лекарство от несчастья — не думать о нем. Когда думаешь о несчастье, оно не проходит, а возрастает.

Смотри на добродетель, а не на красоту; смотри на поступки, а не на происхождение; смотри на достижения, а не на знание; смотри на пользование богатством, а не на богатство.

Яд — знание без упражнения, яд — пища для неспособного переварить, яд — приятели для бедняка, яд — старик для молодой жены.

К чему красота без скромности? К чему ночь без луны? К чему разговорчивость без поэтического дара?

Терпенье — украшение мужчины, скромность — украшение женщины; однако получивший оскорбление должен ответить силой, а предающаяся любовным наслаждениям — оставить сдержанность.

Никто так не ухаживает за нашим телом, как мать; ничто так не украшает его, как ученость; никто так не услаждает его, как жена; ничто так не иссушает его, как заботы.

Богатство и постоянное здоровье, друг и сладкоречивая жена, послушный сын и полезное знание — вот шесть благ в этом мире.

Хороши новая одежда, новый зонт, новобрачная и новый дом. Но хороши также старый слуга и старый рис.

Нет друга, равного здоровью; нет врага, равного болезни; никто не ублажает тебя, как родители; ничто не мучит, как голод.

Шестеро есть для шестерых: разини — для воров, больные — для врачей, влюбленные — для женщин, жертвователи — для жрецов, сутяги — для царей, ученики — для ученых.

Противоречивы людские помыслы: плотника радует поломка, врача — больная, жреца — несущий жертву.

Конь, оружие, наука, лютня, речь, мужчина и женщина бывают хороши или дурны — все зависит от того, как с ними обращаются.

От коровы жди молока, от брахмана — святости, от женщины — непостоянства, от родичей — опасности.

Сила слабого — в царе, сила ребенка — в плаче, сила дурака — в молчании, сила вора — во лжи.

Друг, жена, слуга, рассудок и отвага познаются в беде.

Друг познается в беде, герой — в битве, честный — в уплате долга, жена — в бедности, родственники — в невзгодах.

Сидишь после еды — наживешь брюхо, спишь после еды — получишь удовольствие, ходишь — продлишь себе жизнь, бегаешь — смерть набегит на тебя.

Сами собою разрастаются масляное пятно на воде, чужой секрет в устах сплетника, малый дар у достойного и знание у разумного — такова природа вещей.

Лучше голубь сегодня, чем павлин завтра.

Что толку в способном, если он враг? Что толку в другом, если он неспособен? Пусть же царь не отвергает преданного и способного.

Обилие плодов клонит ветвь книзу, пышный хвост замедляет походку павлина, быстрогоного коня стреножат. Так сами достоинства причиняют зло.

Даже по отдельности приносят вред молодость, богатство, власть и неразумие — что же, когда все они собраны воедино?

Пропадает знание без дела, пропадает человек без знания, пропадает войско без полководца, пропадают женщины без мужчин.

К гибели идет тот дом, где властвует женщина, игрок или малое дитя.

Тело старится от странствий, гора — от воды, женщина — от неудовлетворенных желаний, сердце — от злых речей.

Когда книга, жена или деньги попадают в чужие руки, то они пропадают для нас; если же возвращаются, то книга — истрепанной, жена — испорченной, а деньги — по частям.

Пропадает дорога в сумерках, пропадает падшая женщина, пропадает плохо засеянное поле, пропадает господин из-за проступка слуги.

Цемент, глупец, женщина, рак, рыба, индиго и пьяница, пристав однажды, уже не отстают.

Кто не ошибается в политике из-за плохих советников? Кого не постигают болезни от дурной пищи? Кого не ослепляет счастье? Кого не сражает смерть? Кого не сжигают наслаждения любовью?

Бесполезны и бесплодны: царство без советника, крепость без провианта, счастье без молодости, отрешенность без знания, спокойствие в злодеях, мудрость в еретиках, любовь у распутниц, дружба у порочных, самовластие подчиненного, недовольство нищего, гнев слуги, любовь господина, дом бедняка, верность блудницы, честность мошенника и успех глупца.

Несбыточны сны, что приходят к больным, опечаленным, ожесточенным, влюбленным и пьяным.

Пить змею молоком — только копить в ней яд; давать советы глупцу — только злить его.

Лишь прикоснувшись, убивает слон; лишь приблизясь, — змея; даже защищая, — царь; даже улыбаясь, — злодей.

Рушатся замыслы змей и злодеев, живущих чужими пороками, — на том и держится наш мир.

Недовольство губит дважды рожденных, самодовольство — владык, стыд губит распутниц, бесстыдство — благородных жен.

Бесполезен собачий хвост, что не прикрывает срама и неспособен отогнать комаров. Бесполезна и ученость, лишенная добродетели.

Что пользы от сына, если он невежествен и порочен? Что нам от больного глаза? — Одна лишь боль.

Ослушаться царя, не почтить жреца и лечь отдельно от жены — что убить безоружного.

Неподходящее дело, вражда с соплеменниками, состязание с сильнейшим, доверие красавице — вот четверо врат смерти.

Неподходящая речь, безголосое пение и любовь с той, что твердит: «Не надо! Не надо!» — вот три великих зла.

ОБ ИСТИНЕ И ЗАБЛУЖДЕНИИ

Нередко заблуждается наш разум, и вещи кажутся иными, чем они есть. Плоским представляется нам небо, и огоньком — светлячок, но небо не плоское, а светлячок не огонь.

Полны предубеждений люди: они презирают сводню, пусть она говорит разумное, и превозносят за добродетель брахмана, пусть он убил корову.

Неистинное представляется истинным, а истинное — неистинным — таково многообразие бытия. Будьте же разумны!

В каждой голове своя мысль, в каждом источнике своя вода, в каждом племени свои нравы, в каждой устах своя речь.

Жизнь одна — тел много, истина одна — заблуждений много, знание одно — ересей много. Какой мудрец разберется во всех противоречиях?

«**Это лучше!**» — «Нет, то лучше!», — твердят люди вопреки друг другу. Каждый чтит тот закон, который ему больше нравится.

Не всякая старая поэма хороша, не всякая новая плоха. Разумный оценивает по собственному суждению, глупец доверяет молве.

Одно и то же может представляться в трех видах: аскету — трупом, влюбленному — возлюбленной, собаке — мясом.

Разве бывает что-либо прекрасно или безобразно само по себе? Что нравится человеку, то для него и прекрасно.

О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ

Не берись ни за какие дела — вот первый признак мудрости. Взявшись же за дело, доводи его до конца — вот второй признак мудрости.

Когда все гибнет, мудрец сберегает половину и с этой половиной достигает своей цели.

Не станет разумный ради малого губить великое. Малым сберечь великое — вот истинная мудрость.

Если ты мудр, не противоречь богачу, правителю, ребенку, старику, аскету, мудрецу, женщине, дураку и учителю.

Когда надо давать советы другим, каждый — кладезь премудрости. Когда надо самому следовать этим советам, то и мудрец не умнее дурака.

У кого не хватит ума поучать другого? Лишь великий разумом сам способен следовать надлежащим путем.

Безумный утешается прошедшим, скудоумный — будущим, умный — настоящим.

Не горюй о прошлом, не пекись о будущем — заботься лишь о настоящем.

Мудрые отдают время поэзии и наукам, глупцы — порокам, сну и ссорам.

Лучше враждовать с умным, чем дружить с дураком.

Мудрый не горюет о потерянном, об умершем и о прошлом. Тем он и отличается от глупца.

Разум без отваги — свойство женщины; отвага без разума — свойство скотины.

Глупец суетится вовсю, затеяв пустяк,— умный сохраняет спокойствие, берясь за великое дело.

Разодетый глупец блистает в собрании, но лишь до тех пор, пока не раскроет рта.

В детстве глупец думает лишь об отце с матерью, в молодости — лишь о возлюбленной, в старости — лишь о детях. Так и не успевает он подумать о самом себе.

Огонь заливают водой, от солнца укрываются зонтом, слона смиряют стрекалом, а быка или осла — дубинкой, от болезни спасаются лекарством и от яда — заклинанием. От всего есть средство — нет средства лишь от глупости.

Лишенный рассудка, сколько ни будет учиться, не поймет сути наук. Разве чувствует ложка вкус каши?

Вести беседу с дураком — что причитать в лесу, умащивать труп, сажать лотос в песок, поливать солончак, выпрямлять собачий хвост, шептать глухому, украшать слепца.

Кого боги задумали погубить, того они лишают рассудка, и все представляется ему в ложном свете.

Можно ли домогаться дружбы предательством, добродетели — обманом, благополучия — оскорблениями, знаний — бездельем, женщины — грубостью? Лишь явный глупец способен на это.

Из трех — неродившегося, умершего и глупого — лучше уж мертвый и неродившийся. Ведь от них мало горя, глупец же мучает нас всю жизнь.

Доказывать дураку — что шелуху перемалывать, помогать низким — что писать на песке.

Как тучи затмевают солнце, так толпы глупцов, подобных скотам, покрывают мраком все достойное.

О БЛАГОРАЗУМИИ

Кто, бросив надежное, стремится к ненадежному, тот теряет надежное; ненадежное же с самого начала потеряно для него.

К умному и честному стремись, с умным и лживым будь настороже, честного и глупого жалея, лживого и глупого избегай.

Не будь ни слишком близко, ни слишком далеко от царей, огня, старших и женщин: окажешься слишком близко — они погубят тебя; окажешься слишком далеко — они будут бесполезны для тебя.

Всякий, кто жив и кто богат, должен непрестанно бояться царей, воров, врагов, приближенных, зверей, птиц, нищих, времени и самого себя.

Бойся переправы через большую реку, вражды с могущественным человеком и спора с толпой.

Не вмешивайся в дела мужа с женой, не вмешивайся в дела отца с сыном.

Не ешь один сладкого, не обдумывай один дел, не пускайся один в путешествие, не бодрствуй один среди спящих.

Не являйся с пустыми руками к любимой жене, близкому другу, младшему сыну, предсказателю и правителю.

Не будь ни слишком грубым, ни слишком упрямым, ни слишком мягким, ни слишком склонным к доказательствам, ни слишком гневливым. Излишек в чем бы то ни было опасен: грубость раздражает людей, упрямство отталкивает, мягкость вызывает презрение, излишние доказательства обижают, слепая вера делает смешным, неверие ведет к пороку.

Не торопись в приобретении богатств, в изучении наук, при подъеме на гору, в добрых делах, в любви и во всех усилиях.

Хвали пищу, когда она переварена; женщину — когда прошла ее молодость; героя — когда он вернулся с битвы; урожай — когда он собран.

Учителей хвали в глаза, друзей и родных — за глаза, рабов и слуг — в конце дела, сыновей никогда не хвали, женщин хвали после смерти.

Остатки долга, огня и болезни способны снова возрасть — уничтожайте их до конца.

Занозу, расшатанный зуб и дурного советника надо удалять с корнем — вот условие покоя.

Могут ли быть спокойны мысли у того, чье поле — на берегу реки, чья жена сходится с другим, в чьем доме завелись змеи?

Кое-что можно открыть женам, кое-что — друзьям, кое-что — детям, — ведь все они достойны доверия. Но всего каждому открывать нельзя.

Не доверяй зверям с когтями и клыками, рекам, вооруженным людям, женщинам и царям.

Пусть тебя озолотят, не доверяй врагу и нелюбимой женщине — иначе ты погиб.

Сидя в убежище, крокодил затаит к себе и слона, но, выйдя из убежища, уступит и собаке.

Не одолеть сильному слабого, когда тот недоверчив. Но даже слабый одолеет сильного, когда тот доверчив.

Зачем понапрасну греметь, подобно осенней туче? Великий никогда не откроет врагу, что ему желанно и что нежеланно.

Не рассказывай о том, что задумал: не бывает успеха у замысла, что открыт другому.

По собственной вине попадают в плен попугай и скворец, цапля же не знает неволи. Молчанье — путь ко всем благам.

Возраст, состояние, щель в стене, заклинание, лекарство, позор, любовную связь, дар, оказанную тебе почесть — девять этих вещей всегда следует скрывать.

На черный день береги деньги, пуше денег береги жену, пуше жены и пуше денег береги самого себя.

Друг! Не селись там, где нет четырех: заимодавца, врача, знатока вед и полноводной реки.

Завоевал ли ты весь мир, изнемог ли от бедствий — если ты голоден, ты возьмешь пригоршню риса.

О ЗНАНИИ И НЕВЕЖЕСТВЕ

Высшим благом среди всех зовут знание: его не отнять, оно неоценимо, оно никогда не иссякает.

Еда, сон, страх и совокупление уподобляют людей скоту; лишь знание возвышает их. Лишенный знания — словно скотина.

Не тот достоин почета, у кого голова в седине; тот достоин почета, кто наделен знаниями, пусть он молод.

Знание оружия и знание науки — вот два знания, ведущих к приобретению. Первое в старости вызывает смех, второе всегда в почете.

Не сравниться власти с ученостью. Царя чтут лишь в его стране, ученого — повсюду.

Чтобы видеть мир, коровам дан нюх, брахманам — веды, царям — шпионы, простым людям — глаза.

Женщины учены от природы, мужчины—от книг.

Лишь ученому ведомо утомление ученых, не поймет бесплодная болей роженицы.

Действие не уничтожает незнания, ибо оно не противоречит ему. Лишь знание уничтожает незнание, как свет прогоняет мрак.

Легко удовлетворить невежду, легко удовлетворить просвещенного, но испорченного поверхностным знанием не удовлетворит сам творец.

Науки ведут к скромности, лишь глупец кичится ученостью. Так свет усиливает наше зрение и делает слепыми сов.

Изучить науки — не значит еще избавиться от глупости. Тот лишь истинно учен, кто способен к действию. И хорошо приготовленное лекарство не исцелит больного одним названием.

Что пользы от науки тому, у кого нет ума? На что зеркало тому, кто лишен глаз?

Когда время действовать, то знание, сокрытое в книгах, — не знание, а деньги в чужих руках — не деньги.

Что проку от знаний тому, кто, изучив все науки и проникнув в их суть, не извлечет из них пользы? Одно утомление.

Лучше выкидыш, лучше воздержание от любви, лучше мертворожденный, лучше рождение дочери, лучше бесплодие, лучше не выйти из материнского лона — все это лучше, чем невежественный сын, будь он красив, богат и наделен достоинствами

Чье сердце не трогают ни прекрасные изречения, ни пение, ни игры юных жен, тот либо аскет, либо скотина.

Кто незнаком с поэзией, музыкой и прочими искусствами, тот словно скотина — разве что без хвоста и рогов.

Тот, чье сердце не стремится ни к наукам, ни к битвам, ни к женщинам, напрасно родился на свет, похитив юность матери.

Кто не нажил добра, не ценил искусств, не приобрел друга, не изучил наук, не исполнил обета, не скакал на коне, не наслаждался сладким сном в объятиях возлюбленной, тот на горе пришел в мир, принеся лишь страдания матери.

Боже! Пошли мне любое наказание за грехи — я все снесу. Не обрекай меня только читать свои стихи людям, не смыслящим в поэзии.

Какая разница между скотом и скотоподобным человеком, разум которого бессилён отличить добро от зла, который глух к священным наставлениям и стремится лишь набить брюхо?

Нет преграды, равной преграде невежества.

О НЕВОЗМОЖНОМ

Нельзя посеять одно, а получить другое. Какое семя посеяно, то и даст всходы.

Что невозможно, то невозможно; что возможно, то возможно. Повозка не движется по воде, корабль не плавает по суше.

Избегай дел, зависящих от других; стремись лишь к тому, что зависит от тебя самого. Все зависящее от других несет горе, все зависящее от тебя — радость.

Нельзя вместо себя поручить другому содержать слуг, служить господину, блюсти добродетель и родить сына.

Нет добродетели у распутниц, нет постоянства у удачи, нет рассудка у дураков, нет конца у дел.

Где видано, где слыхано, чтобы ворон был чистым, игрок — правдивым, змей — терпеливым, женщина — бесстрастной, евнух — отважным, пьяный — рассудительным, а царь — дружелюбным?

Кто способен удержать разъяренного слона, распутного царя и ученого злодея?

Чего не вообразит поэт? Чего не сожрет ворона? Чего не наговорит пьяный? Чего не сделает женщина?

Не бойся невозможного. Никому еще дважды не отрубили голову и трижды — руку.

О ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИИ

Нельзя править царством, действуя подобно обыкновенному человеку. Что недостаток для подданных, то достоинство для царя.

Прямодушие — достоинство аскетов, великих духом, но разве нужно оно людям, гонящимся за счастьем, а тем более — правителям?

Славен тот аскет, для которого враг равен другу; плох тот царь, для которого преступник равен добродетельному.

Наказание злодеев, награждение добродетельных, праведное умножение богатства, беспристрастие к просителям, охрана царства — вот пять обязанностей царя.

На господине — обязанность наказывать проступки слуги, на нем же — позор за эти проступки.

Кто справедливо делит богатства, держит тайного соглядатая, не выдает своих решений, не говорит людям неприятного — тот владычествует над землями до самого океана.

Не живи в стране, которой никто не правит, правят многие, правит женщина или правит дитя.

Вялость, женолюбие, болезненность, привязанность к родным местам, довольство жизнью, боязливость — вот шесть преград на пути к величию.

Вино, женщины, охота, игра в кости, порча имущества, жестокость в речах и в наказаниях — вот пороки повелителей.

Правда и ложь, грубость и мягкие речи, жестокость и сострадание, скупость и щедрость, вечные расходы и приток драгоценностей — словно распутница, переменчиво поведение правителя.

Творят добро мудрые и верные, а их ненавидят; другие на глазах творят зло, а их любят. Удивительно, удивительно разноречивое поведение владык! Самому аскету не постичь всех премудростей службы.

Владыки презируют благородных и сходятся с низкими. Откуда у них понятие о чести?

Лишь к тому благоволит владыка, кто оказывается вблизи, — пусть тот невежествен, неблагороден, не подходит ему. Сходны меж собою цари, женщины и лианы — все они льнут к тому, кто рядом.

Правитель во власти прихотей не думает ни о долге, ни о пользе. Словно пьяный слон, своевольно идет он куда вздумается. Когда же этот гордец срывается в пропасть бедствий, то возлагает вину на слугу, не зная, что всему виной его собственное поведение.

Когда повелитель и его министр возносятся слишком высоко, то богиня счастья останавливает свой шаг и, непривычная к чрезмерной тяжести, бросает одного из двух.

Подобны горам цари — они неровны, тверды, высоки, укрывают низких людей и привлекают хищников.

В помыслах о царстве братья и даже сыновья царя желают ему смерти. Избегайте же царской власти.

Гнев правителя делает невинного виновным, уверенного — беспомощным, героя — трусом, долгую жизнь — короткой, благородного — безродным.

Непостоянно царское могущество. Словно тростник, с трудом поднимается счастье царя, а падает в мгновение, и не удержать его тогда никакими усилиями. Оно переменчиво, как мысли обезьян; непрочное, как вода на лепестке лотоса; неверно, как ветер; кратковременно, как союз с неблагородным; красиво лишь на миг, как очертания вечерних облаков; недолговечно, как пузыри на воде; неблагоприятно, как все, наделенное плотью, и мгновенно исчезает, как богатства, явившиеся во сне.

Как может прославиться владыка, если рядом с ним нет славного поэта? Сколько было на земле царей, имени которых никто уже не знает!

Куда делись земные владыки с войсками, могуществом, колесницами? А земля — свидетель их исчезновения — стоит по сей день.

Каковы те, кто ему служат, каковы те, кому он служит, таков и сам человек.

У добродетельного царя добродетельные подданные, у злого — злые, у среднего — средние. Подданные лишь подражают царю.

Что остается мне делать там, где воруют и сам царь, и его советник, и главный жрец? Каков царь, таковы и подданные.

Плох тот хозяин, который вспоминает о слугах лишь в час нужды.

Плох тот слуга, плох тот друг, который торгуется, когда время действовать.

Кто служит правителю, ненавистен народу; кто служит подданным, ненавистен владыке. Велика рознь между правителем и подданными, и трудно найти того, кто сумел бы угодить обоим.

Что пользы от меня в покоях владыки, если я не актер, не льстец, не певец, не враг ближнему и не пышногрудая красавица?

Как входят в дом, где таятся змеи, в лес, полный хищников, в лотосный пруд, кишашщий крокодилами, так с трепетом и скорбью входят слуги в помыслы царей, оскверненные злодеями, лжецами и негодяями.

Поистине, солгал тот, кто сравнил службу с собачьей жизнью: пес бродит, где ему вздумается, слуга — там, где прикажет царь.

Счастье его в чужих руках, сердце не покидают заботы, и даже в собственной жизни он не уверен — вот удел того, кто служит царю.

Слуга лишен собственных желаний, он покорен чужим мыслям и продает свое тело — как же может он быть счастливым?

Служить царю — что лизать лезвие меча, обнимать льва, целовать змею.

Тогда лишь стоит родиться, когда тебе уготована свобода. Если рабство — жизнь, что же такое смерть?

О ПОЧЕТЕ И ПРЕЗРЕНИИ

Разве можно одного убивать, а другого чтить по одному лишь происхождению? Разумней сначала о делах, а там убивай или чти.

Где чтут недостойных и презирают достойных, там находят себе прибежище трое: голод, смерть и страх.

Обычай правителей — отворачиваться от достойных; богачи стремятся лишь к порочным и глупым. «Почет — по делам» — лживые слова, ибо мало кто думает о людских заслугах.

Никто не бывает от природы ни высоким, ни низким — лишь собственные дела ведут человека к почету или презрению.

Пусть драгоценность валяется под ногами, а стекло украшает голову — драгоценность остается драгоценностью, а стекло — стеклом.

Герой, ученый и красавица, куда бы ни пошли, везде найдут приют.

О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ

Не внимают словам бедняка — мудрым, убедительным, полезным; внимают словам богача — дурным, грубым, бесполезным.

Люди приветствуют того, кто недостойн приветствия; чтут того, кто недостойн почета; сближаются с тем, кто недостойн общения, — такова власть денег.

Кто равен богатством, кто равен происхождением, те пусть вступают в брак и заключают дружбу. Богач не пара бедняку.

Два упущения возможны при владении богатством: давать недостойному и не давать достойному.

Кто не раздает богатства и не тратит его на наслаждения, тот все равно не удержит его. Такое богатство подобно девушке, что, сидя в отцовском доме, ждет нового владельца.

Отдавать свое добро — только сберечь его. Так из пруда отводят воду для орошения.

Тем лишь и богат богач, что он раздает и что съедает. Умрет он, и другие наслаются его женами и богатством.

Если мы богаты богатством, которое не расходует на даяния и наслаждения, то разве не богаты мы богатством, что погребено в недрах земли?

Лучше всего деньги, добытые собственным трудом, хуже — добытые по наследству, еще хуже — от брата, хуже всего — от женщины.

Нелегко приобрести богатство, тяжело хранить его, смерти подобна утрата приобретенного — к чему же о нем помышлять?

Несчастье — собирать деньги и стеречь приобретенное, несчастье — потерять их, несчастье — отдать. Да, с горем связаны деньги!

Неизбежно одно из двух: или человек покидает богатство, или богатство покидает человека. Зачем же печалиться об утрате?

Зачем ты гордишься богатством? Зачем печалишься, теряя его? Словно мяч, взлетают и падают люди.

Не так страдает бедный от рождения, как богач, привыкший к благоденствию и обедневший.

Одно и то же удовольствие стоит сокровищ богачу и грошей — бедняку.

Одна рука выше, другая рука ниже — так уже руки определяют разницу между даятелем и просителем.

Человек служит не человеку, — человек служит деньгам.

Легко наполнить ручеек, легко нагрузить лапки мышонка, легко удовлетворить бедняка, привыкшего к малому.

У бездетного и лишенного друзей пусто в доме, у глупца пусто в сердце, у бедняка пусто везде.

Кто носит грязную одежду, садится где попало. Кто не уверен в том, что завтра будет сыт, съедает все без остатка.

Даже выдающийся ум гибнет у бедняка, вечно думающего о том, как бы достать масло, соль, сезам, одежду, топливо.

Слава тебе, бедность! Твоей милостью я стал волшебником: я вижу весь мир, а меня не видит никто.

ОБ АЛЧНОСТИ И ЖЕЛАНИЯХ

Безумны гонящиеся за выгодой — подобно блудницам они украшают себя и становятся игрушкой в чужих руках.

Лжет, служит тому, кто недостоем этого, идет на чужбину — все это делает смертный ради своей утробы.

От жадности приходит гнев, от жадности — похоть, от жадности — ослепление и смерть. Жадность — источник зла.

Получив сотню, он жаждет тысячу; получив тысячу, он жаждет сотню тысяч; получив сотню тысяч, он жаждет царства; получив царство, он жаждет неба.

Стареют волосы, стареют зубы, стареют глаза и уши — не стареет лишь жадность.

Можно подумать, что деньги — это или существа, прибегшие к защите, или же смертельный яд — так обращается с ними скупец, не расставаясь с ними и не употребляя их.

Для жадного нет дельного и не дельного, нет славного и позорного, нет доброго и злого — для него есть только выгодное и невыгодное.

Семеро не могут насытиться, как их ни насыщай, — жрец, огонь, смерть, царь, море, утроба и дом.

По сей день предаются воровству поэты и правители. Первые воруют чужие стихи, вторые — чужие деньги.

Никому человек не делает добра из одной любви, без страха, соблазна или иного повода.

Бедняк — тот, кто охвачен жадностью, пусть он владеет семью островами. Кто удовлетворен — тот высший владыка.

Низшим нужны деньги, средним — деньги и уважение, высшим — уважение.

Нечего восхвалять желание, но ведь и обойтись без желания нельзя в этом мире. И постижение вед, и исполнение обрядов вызвано желанием. Что ни делает человек, то он делает, движимый желанием.

Не следуй неумеренным желаниям, но и не подавляй всех желаний.

Желай лишь того, что доступно тебе; никогда не желай недоступного. Наслаждайся настоящим, не пекись о будущем.

Для одолеваемых стяжательством нет ни наставника, ни друга; для одолеваемых любовью — ни страха, ни стыда; для одолеваемых заботой — ни радости, ни сна; для одолеваемых голодом — ни сил, ни рассудка.

Не успокаивается желание от наслаждения желанным; еще сильнее вспыхивает огонь, в который подлили масла.

Нет ничего невозможного для жажды — владычицы бесчестия. И мудрецов толкает она в объятия наслаждений.

Кого привлекает доступное? Человек бросает свою жену и стремится к чужой.

И сотня йоджан не кажется далекой охваченному жаждой, а свободный от желаний не замечает добра, попавшего ему прямо в руки.

Ни насладиться не может старик, ни избавиться от тяги к наслаждению. Он подобен беззубому псу, способному лишь облизывать кость.

Наслаждения не исчерпаны — наши силы исчерпаны; лишения не побеждены — мы побеждены; время не кончилось — кончен наш путь; жажда не составила — мы состарились.

О ДРУЖБЕ И ВРАЖДЕ

И у лесного отшельника, погруженного в свои дела, бывают друзья, равнодушные и враги.

Пятеро всюду последуют за тобой: друг, враг.

равнодушный, тот за чей счет ты живешь, и тот, кто живет за твой счет.

Ни матери, ни жене, ни брату, ни собственным детям нельзя довериться так, как истинному другу.

Кто дорог нам, тот дорог, пусть он причиняет горе. Кому не дорого собственное тело, пусть оно поражено бесчисленными недугами.

Давать, брать, делиться тайной, расспрашивать, угощать, принимать угощение — вот шесть признаков дружбы.

Ковкость соединяет металлы, цель соединяет зверей и птиц, страх и жадность соединяют глупцов, взгляд соединяет достойных.

Не занимай у друга и не одалживай другу. Долг, словно ножницы, разрезает дружбу.

Пройдет время, и друг станет врагом, а враг — другом. Ибо собственная выгода сильнее всего.

Глупцам ненавистны умные, бедным — богатые, порочным — добродетельные, распутницам — верные жены.

Ветер приходит как друг к огню, сжигающему лес, и тот же ветер гасит светильник. Кто почитает слабого?

Враги и родственники берут и не дают, равнодушные берут и дают, друзья дают.

Кто приближает недруга, а другу наносит вред, тот теряет старого друга, а новый — заранее потерян для него.

Кто, заключив договор с врагом, спокойно ложится спать, словно сделал должное, подобен уснувшему на верхушке дерева — он проснется, упав.

Не общайся с тем, чей характер, род и сила неизвестны тебе.

Не вступай в союз с врагом, как бы тот ни страдал. Как вода ни горяча, она потушит огонь.

Враг — отец, делающий долги, враг — гулящая мать, враг — красивая жена, враг — неученый сын.

Беспричинная ссора — вот признак глупости. Умный отдаст сотню монет, лишь бы не вступать в пререкания.

Никогда вражда не уничтожается враждой — лишь отсутствием вражды уничтожается она.

О ПОБЕДЕ И ПОРАЖЕНИИ

Победи сначала самого себя, а потом — врагов. Как может владеть другими не владеющий собой?

Побеждай врага уговорами, дарами, двуличием или всем этим вместе, но никогда не прибегай к войне.

Избегай войны. Какой убийца не может сам

оказаться убитым? А для убитого все равно — победа ли, поражение.

Побеждай жадного деньгами, гордого — мольбой, глупого — потворством, мудрого — правдивостью.

Не победить сильным слабых, если те держатся вместе; не страшен ураган кустам, что растут близко друг к другу.

Когда один смел в битве, все войско делается смелым; когда один труслив, все становятся трусами.

Если нельзя избежать опасности, что толку в трусости, которая все равно не защитит тебя?

Бойся опасности, пока ее нет; когда же опасность пришла, не бойся, а борись с нею.

Прекрасно увечье, полученное в бою с великим. Не достоин ли хвалы слон, что ломает свой клык, разрывая цепи?

Когда случается упасть, достойный человек падает как мяч, ничтожный — как ком глины.

Не искоренит вихрь нежных побегов травы, что низко клонятся во все стороны, и тот же вихрь губит высокие деревья. Лишь против великого употребит свою силу великий.

Постыдился бы гневаться тот, кто неспособен повредить. Разве разобьется сковорода, если на ней прыгает горох?

КАМА

Здоровье, стойкость, могущество — великие блага, но они бесполезны, если нет наслаждения любовью.

Юность мчится невозвратимым потоком. Так предадимся радостям — ведь дарованы радости смертным!

Бессмыслен круговорот бытия, и единственная отрада в нем — газелеокие женщины. Ради них стремятся люди к богатству — ведь если нет женщин, то и богатство ни к чему.

Два пути перед мудрыми в этом бесплодном и непостоянном мире: вкушать нектар высшего знания или наслаждаться юными красавицами.

Нет в этом мире ничего достойнее, чем добро ближнему; нет ничего сладостнее, чем лотосоокая.

Недолгог был бы путь через океан бытия, если б не встречались на этом пути неодолимые красавицы.

Лучшее у царя — царство, в царстве — столица, в столице — дворец, во дворце — ложе, на ложе — любовь красавицы.

Пусть светит светильник, пылает огонь, сияет солнце, луна, звезды — без газелеокой этот мир окутан мраком.

О, кто сотворил женщину — сосуд нектара, средоточие удовольствий, источник наслаждений?

При любовном наслаждении уста женщины всегда чисты.

Кого не погубит женщина с тонкой талией, пышными бедрами, алыми губами, черными глазами, глубоким пупом и высокой грудью?

Нет нектара и нет яда, равного прекрасной. Соединение с ней — жизнь, разлука — смерть.

Сладость губ, упругость грудей, острота женских взоров и красота поэзии понятны лишь знатоку.

Сердце поэта трепещет при звуках стихов, сердце сластолюбца — при виде женщины.

Если не грех соединение глаза с образом или уха со звуком, то разве грех соединение тела с телом женщины?

Когда прекрасная, томимая любовью, сама пришла к мужчине, то он пойдет в ад, убитый ее вздохами, если не насладится ею.

Бесполезно проходит юность той, что не отведала сладости любовного наслаждения с искусным мужем.

Женщина — горшок с маслом, мужчина — пылающий уголь. Разумный не соединяет масла с огнем.

Сначала, полная достоинства, она говорит: «Нет, нет»; потом в ней рождается желание; со стыдом она еще сдерживает себя, но вот стойкость покидает ее; втайне она уже охвачена страстью, готова к любовной игре, и наконец страх забыт, и члены ее трепещут в высшем блаженстве. Таково наслаждение в близости с благородной женщиной.

Томимый страстью не уснет и на мягком ложе; удовлетворивший страсть сладко уснет и на шипах.

Девочка подобна виноградному соку, молодая женщина — сахару, женщина средних лет — соку мангового плода, старуха — кокосовому ореху.

Женщина съест вдвое больше, чем мужчина, она вчетверо хитрее его, вшестеро решительнее и в восемь раз сладострастнее.

В мыслях у них одно — в словах другое; в словах одно — на лице другое; на лице одно — в делах другое. Непостижимы женщины!

Речь женщины — мед, а сердце — смертельный яд. Потому и припадают к ее устам, а в грудь наносят удары.

Внутри они ядовиты, снаружи — прекрасны, словно ягоды гунджи. О, кто сотворил женщин?

С одним женщина болтает, на другого кокетливо смотрит, о третьем думает. Кто же ей мил?

Губы, руки, щеки, груди, пуп, зад — все это одинаково у женщин, но у каждой из них — свое сердце.

Кокетство с любимым заменяет у женщины признание в любви.

Можно поймать тигра в чаще, птицу в небесах, рыбу в пучине вод, но нельзя поймать непостоянное сердце женщины.

Как узнать, кто женщинам не мил и кто им мил? Подобно коровам, бродящим по лесу в поисках травы, они ищут нового и нового.

Нет места, нет случая, нет пожелавшего — тогда и чиста женщина.

Не стыд, не воспитание, не добродетель, не страх — лишь отсутствие пожелавшего причина женской чистоты.

Не может насытиться огонь дровами, океан — реками, смерть — смертными, прекрасноглазая — мужчинами.

Не помогут ни дары, ни почет, ни искренность, ни услужение, ни меч, ни наука — женщина останется непостоянной.

Пусть достанется ей сам бог любви — она пожелает другого мужчину. Такова уж природа всех жен.

Пусть льет дождь, гремит гром, сверкает молния, пусть стоит холод, пусть жара — ни о чем не думает женщина, что стремится к возлюбленному.

Даже благородные, прекрасные, живущие в супружестве женщины неспособны удерживаться в границах дозволенного — таков порок жен.

Когда огонь станет холодным, луна — горящей, а злодей — добрым, тогда и женщина станет верной.

Рекам подобны женщины по своей природе: пусть высоко их происхождение — они стремятся к низкому.

Не радуется луна мучимого холодом, не радуется солнце мучимого зноем, не радуется жену муж, иссушенный старостью.

Для женщин нет неподходящего, их не заботит возраст — они наслаждаются и красавцем, и уродом с мыслью: «Он — мужчина!»

Разве неспособна погубить любовника та, что губит мужа? Разве пощадит кошка мышонка, когда она пожирает собственное дитя?

Что женщине сладостный покой на супружеском ложе? Куда приятней для нее запретные объятия на соломенной подстилке.

Ненастье, безлунная ночь, узкие глухие закоулки, муж, отправившийся на чужбину, — вот высшее счастье для распутницы.

Неразумен тот, кто сравнил женщин с пиявками — велика разница между газелеоками и пиявками: пиявка высасывает лишь немного крови, а женщина высасывает все: рассудок, имущество, силу и счастье.

Пучина опасений, обитель нескромности, собрание поспешностей, пристанище пороков, дом сотни обманов, поле подозрений, неодолимая для великих героев корзина всех обманов, нектар, смешанный с ядом, — о, кем создана в мире на гибель добрым нравам искусная кукла-женщина?

Бесполезна привязанность к женщинам, и надменность с ними тоже бесполезна. Вот я всегда добр к ней, а она ко мне никогда не добра.

Не влюбляйтесь в женщин — женщины презирают влюбленных. Сходитесь лишь с теми женщинами, что сами влюблены, и избегайте равнодушных.

До тех пор ласкова женщина с мужчиной, пока не чувствует в нем желания, но стоит ей заметить, что тот завяз в сетях любви, как она ловит его, словно рыбу, проглотившую приманку.

Уже одна ревность мужа влечет жену к другому. Разумный охраняет жену, не показывая ревности.

Та, о которой я постоянно думаю, равнодушна ко мне; она стремится к другому, а тот любит другую. Между тем еще одна сохнет по мне. Провались же все: и та, и тот, и бог любви, и эта, и я сам!

Словно мотыльки, летящие к светильнику, безрассудно приближаемся мы на свою погибель к прекрасным.

Ненужное кажется ему нужным, невозможное — возможным, несъедобное — съедобным. Таков мужчина, ведóмый женской речью.

До тех лишь пор бывает человек хозяином своих дел, пока в ухо ему не вонзается стрекало женских речей.

Добиваясь любви девушки, нельзя ни чрезмерно потворствовать страстям, ни чрезмерно сдерживать их, — надо идти средним путем. Тот бывает любим, тот доставляет себе радость и умножает славу жен, кто знает, как завоевать доверие девушки.

Кто высмеивает девушку за чрезмерную стыдливость, тот неспособен как следует обращаться с ней и подобен скоту. Когда девушкой овладевают поспешно, не овладев сначала ее сердцем, она чувствует страх, трепет, смятение и ненависть. А не испытав удовольствия в любви и подавленная тревогой, она становится ненавистницей мужчин или же, возненавидев супруга, идет к другому.

Ласкай ее там, куда во время любовного наслаждения она обращает свой взор, — ибо так обнаруживают свое тайное желание юные жены.

Одно сердце у двоих — таков плод любви. Когда сердца разделены — это любовь трупов.

М О К Ш А

О РАДОСТИ И ГОРЕ

День кончается закатом, ночь — восходом. Радость кончается горем, горе — радостью.

За счастьем следует несчастье, за несчастьем — счастье. Не бывает непрерывного несчастья, не бывает непрерывного счастья.

За несчастьем сразу же следует радость, пусть небольшая. Кто попробовал горького, тому вода кажется сладкой.

В счастье годы текут, как дни; в несчастье дни кажутся годами.

В одном месте звуки лютни, в другом — горестный плач; в одном — ученая беседа, в другом — пьяная болтовня; в одном месте — чарующие женщины, в другом — прокаженные. Так и не знаю я, из чего же создан этот мир — из радости или горя!

Что пользы в счастье, если оно принадлежит лишь одному, словно верная супруга; если каждый прохожий не может взять его, словно распутницу?

Счастье, что само пришло к тебе, приносит проклятие уходя.

Лишь несчастье существует в мире, а счастья нет — счастьем называем мы избавление от несчастья.

Чем окутан мир? Отчего он не светится? Что оскверняет его? В чем его великая опасность? Невежеством окутан мир, от алчности он не светится, страсть оскверняет его, страдание — его великая опасность.

Непонятна, непостижима жизнь смертных; она горестна, кратковременна, полна зла.

Пусть думает человек поутру: «Великая опасность нависла надо мной. Что ждет меня сегодня — смерть, болезни, несчастье?»

Не видя, мы стремимся видеть; видя, страшимся утраты. Видим мы или не видим — все равно нет счастья.

Кто не возгордился, обрета богатство? Какой распутник избежал невзгод? Чье сердце на земле не было разбито женщиной? Кто может назваться другом царя? Какой бедняк встретил уважение? Кто вышел невредимым из западни? Кто не подвластен смерти?

Умен человек, — и все же он служит царю, поглощает отраву и наслаждается женщинами.

Тяжко человеческое существование, тяжело приобретение знаний, тяжело ремесло поэта, тяжело достижение власти.

Не будь рождения, старости, смерти; не будь страха перед разлукой с любимыми; не будь все столь непостоянным — кто не был бы счастлив в этой жизни?

Пятеро — всегда мертвецы, хоть и живут: бедняк, больной, глупец, живущий на чужбине и слуга.

Житье с нелюбимыми, разлука с любимыми, общение с недостойными — вот горький удел долголетних.

Человек великого ума становится жертвой одной из трех бед: или он рано умирает, или живет в нужде, или не оставляет потомства.

На луне — пятно, на стебле лотоса — шип, у молодой — отвисшая грудь, у волос — седина, морская вода — не для питья, у ученого — бедность, у старца — ослабевший разум. Видно, безрассуден творец!

Так уж устроено, что женщины доступны порочным, правители возвышают негодяев, богатства текут к скрягам, а дождь льется на моря и скалы.

Ныне длится век Кали, когда праведники стали редкостью, страны оскудели от налогов, владыки охвачены жадностью, своры грабителей опустошают землю, достойные бедствуют, отцы не верят сыновьям. Горе царит в этом веке!

О СУДЬБЕ

Время — словно повар: каждый миг готовит оно каждому его удел.

Что пользы предаваться раздумьям? Что пользы таить в сердце печаль? Ведь случится с нами лишь то, что у нас написано на лбу.

По воле судьбы без всяких усилий вкушаем мы плоды прежнего существования — хороши они или плохи.

Чему не быть, того не бывает; чему быть, то бывает без всяких усилий. Из самых рук ускользает у нас то, что нам не суждено.

То, что судьба судила нам получить, мы получим и лежа в постели. То, чего не судила, — не получим, каких бы усилий ни прилагали.

Беды стерегут птиц, парящих в пространстве; умелые ловцы извлекают рыб из морских глубин. Что есть неразумие и что разум? Что пользы держаться своего места? Даже издали настигает нас судьба — стоит ей протянуть свою руку.

Я слышал, что даятели становятся просителями, убийцы — убиваемыми, победители — побежденными.

Пусть тысяча стрел выпущена в человека — он не умрет, если не пришел его час. Но если час его пришел, он может погибнуть и от былинки.

Кто сотворил лебедей белыми, попугаев — зелеными, павлинов — пестрыми, тот и тебе доставит средства к жизни.

Чему суждено быть — то и будет со мной. Не отворотим путь событий, мое дело — следовать ему.

Чти счастье, выпавшее тебе; чти несчастье, выпавшее тебе. Вращению колеса подобна смена радостей и горестей.

Нежданно приходят к нам горести, нежданно — и радости. Что пользы в заботах и огорчениях?

Сокрыто начало существ, явна середина пути, и сокрыт их конец. Что толку печалиться?

Радуйся выпавшей тебе радости, переноси выпавшее тебе горе, жди всего, что приносит время, как земледелец ждет урожая.

Человек получает то, что ему суждено получить; идет туда, куда ему суждено идти; встречает те беды и радости, которые ему суждено встретить.

Человек получает то, что ему суждено, и сам бог не сможет помешать этому. Поэтому я не сержусь и не печалюсь. Что дано мне, то не перейдет ни к кому другому.

«Состояние, в котором я оказался, неизбежно для меня», — кто постоянно думает так, тот никогда не тревожится.

Побуждаемые собственной природой, проявляются все свойства — добрые и злые. Чем же здесь гордиться? Ведь все — от природы.

Все существа следуют своей природе. Что толку в наказаниях?

Когда остынет огонь, а луна запылает, тогда переменится природа смертных.

Трудно преодолеть собственную природу. Посади собаку на царство — она все равно будет грызть обувь.

Двенадцать лет умащивали, растирали, веревками привязывали собачий хвост, но лишь отпустили его — он снова стал таким, как прежде.

Срок жизни, занятия, имущество, знания и смерть — вот пять предначертаний, уготованных человеку еще в утробе матери.

Собственная природа и собственные дела связывают человека, и поневоле он делает то, чего в ослеплении не хочет делать.

Все дела творятся свойствами природы, ослепленный же сознанием своего «я» думает: «Я творю».

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Союз указывает на будущую разлуку, рождение — на близость неизбежной смерти.

Во всяком рождении присутствует смерть, в здоровье — болезнь, в успехе — неуспех, в юности — старость.

Ничто не грозит спелому плоду, кроме падения; ничего не грозит рожденному на свет, кроме смерти.

Одиноким приходит человек в мир, одиноким уходит из мира, один вкушает он плоды своих добрых и злых дел.

Сегодня еще они смеялись, пели, играли, и вот их уже не видно — такова власть времени.

Кто был утром, того нет в полдень. Кто был в полдень, того нет ночью. Кто был ночью, того уже не видно. Обманчивым чарам подобен наш мир.

С той первой ночи, когда вселяется человек в материнское лоно, с той поры день за днем неуклонно приближается он к смерти.

Каждый миг незаметно для глаз разрушается наше тело, подобно необожженному горшку, поставленному в воду. Мы же обнаруживаем распад, когда он уже совершился.

Мы радуемся закату и радуемся восходу и не думаем о том, что ход солнца отмеряет нашу жизнь.

Каждому новому времени года радуются люди, между тем как со сменой времен года уходит их жизнь.

Подобно актеру, человек какой-то миг играет ребенка; какой-то миг — юношу, погруженного в удовольствие; затем он играет то бедняка, то богача; а под конец, одряхлевший и покрытый морщинами, уходит за занавес бога смерти.

В доме, где жили многие, остался один; где жил один, не осталось никого. Будто днем и ночью бог смерти играет в кости со своей супругой, и земля служит им доской, а живые существа — костями.

Стоит нам услышать, что из соседского дома что-нибудь похитили, как мы начинаем стеречь свое жилище. Что же не боимся мы бога смерти, день за днем идущего от дома к дому и похищающего людей?

Текут и не возвращаются вспять речные потоки; текут дни и ночи, унося с собой людские жизни.

Время никого не любит и никого не ненавидит, время ни к кому не равнодушно — оно уносит всех.

Что ты страшишься смерти, глупец, словно она отпустит испуганного? Сегодня или через сотню лет смерть настигнет все живущее.

Даже с собственным телом невозможно быть вечно, — что же говорить о других существах?

Из пяти элементов составилось это тело, на пять элементов оно снова распалось, каждая часть вернулась к своему источнику — о чем же горевать?

Распадаются частицы — вот все, что происходит. Разъединение частиц — вот что такое смерть.

Кто горюет о мертвом, об утраченном, о прошедшем, тот лишь прибавляет к печали печаль и терпит двойное бедствие.

Неизбежна смерть рожденного, неизбежно рождение умершего. — Не печалься же о неизбежном!

Мудрый не оплакивает ни умерших, ни живых.

ОБ ОТРЕЧЕНИИ

Что пользы устремлять сердце к приобретению, ведь исход его — утрата; к жизни, ведь исход ее — смерть; к встрече, ведь исход ее — разлука?

Радостей, что были у меня, уже нет. Те, что могут прийти, еще не мои. То, чему я радуюсь сейчас, мгновенно. К чему же все это?

Стоит разумному человеку вспомнить о страшном посохе смерти, как сбрасывает он с себя все тревожения, словно кожаные одежды, промокшие под дождем.

Сколько создает человек привязанностей в своем сердце, столько же вонзается в его сердце стрел скорби.

Откажись от одного человека ради семьи, откажись от семьи ради общины, откажись от общины ради страны. Ради своей души откажись от всей земли.

Всем своим существом следует отказаться от общения; если же отказаться от него нет сил, то надо общаться с благими, ибо общение с благими — целительное средство.

Всем своим существом следует отказаться от любовной страсти; если же отказаться от нее нет сил, то надо питать ее к своей жене, ибо жена — целительное средство.

Остерегайся всех женщин, даже имени их избегай, если желаешь себе добра.

Что толку беспокоиться из-за газелеоких? Даже собственное тело не стоит тревоги, тем более — чужое.

Не поддавайся похоти при виде женщины с нежной кожей и пышным телом. На деле перед тобой лишь неприглядное мясо да жир. Помни эту истину и сохраняй равнодушие.

Грудь — комья мяса — уподобляют золотым сосудам; рот — вместилище слизи — луне; бедра, из-

вергающие нечистоты, — хоботу слона. Так возвышают поэты жалкую оболочку женщины.

Пока мужчина не пресек влечения к женщинам — пусть самого малого, — до тех пор разум его привязан к бытию, как сосущий теленок к корове.

Две ошибки совершил творец: создав женщин и золото.

Сущность всего — майя, сущность майи — женщина, сущность женщины — соитие; счастье тому, кто отказывается от него.

Как вести себя с женщиной? — Не смотри на нее. — Как быть, если посмотрел? — Не заговаривай с нею. — Как быть, если она заговорила? — Отойди от нее.

Влечение к образу, звуку, вкусу, запаху и прикосновению — вот пять нечистот в этом мире. Стремись к победе над ними.

Наслаждения, рожденные прикосновением, — источник зла, они имеют начало и конец. Мудрый не станет радоваться им.

Прекрасны лунные лучи, прекрасна зеленая лужайка в лесу, прекрасна радость в общении с достойными, прекрасны сказания поэм, прекрасно лицо любимой, на котором дрожат слезы гнева, — но когда разум постиг бренность всего прекрасного, ничто уже больше не прекрасно.

Вверху и внизу, вокруг и в середине — все в мире оковы. Пойми это, и никакое существование не привлечет тебя.

Человек приходит в деревню и, переночевав, на другой день снова отправляется в путь. Точно такие же стоянки для нас — отец, мать, дом, богатство. Мудрый не привязывается ко всему этому.

Оставь все, что причинит тебе печаль, страх, зло, что рождает утомление, — откажись от этого, будь то часть твоего собственного тела.

Тот лишь воистину бесстрастен, кто бесстрастен смолоду. Кто же не ощутит покоя, когда его оставят жизненные силы?

Следует обуздывать речь, обуздывать мысли, обуздывать тело.

Всякое страдание в этом мире коренится в бытии. Кто по неведению творит звенья бытия, тот, глупец, вновь и вновь подвергается страданиям. Не творите же звеньев бытия, зная, что оно — источник страдания.

Всякое страдание коренится в сознании. Уничтожь сознание, и ты уничтожишь источник страдания. Всякое страдание коренится в стремлении. Уничтожь стремление, и ты уничтожишь источник страдания.

Бессмысленно это существование, в котором чередуются рождение, смерть, старость, болезни, страдания. Благо покинувшему его!

Чего бы ни пожелал человек — желанное ускользает от него. Но он достигает всего, когда перестает желать.

Раб своих надежд — раб всех людей, повелитель своих надежд — повелитель всего мира.

Надежда — источник великой тревоги, свобода от надежд — источник великого покоя.

Привязанность рождает страсть, за страстью следует печаль. Пойми же, что страсть — источник страданий, и шествуй одиноко, подобно носорогу.

Нет пламени, равного любви; нет зла, равного ненависти; нет несчастья, равного плоти; нет счастья, равного отрешенности.

Не отрешившийся не знает радости, не отрешившийся не достигает Высшего, не отрешившийся не знает спокойного сна. Отрешись от всего и будешь счастлив.

Плод победы — ненависть, удел побежденного — печаль. Спокоен и счастлив тот, кто отказался и от победы, и от поражения.

Словно рыбы в мелководье, мечутся люди, строя козни друг другу, — страшно мне глядеть на это!

Желание рождает печаль, желание рождает страх. Ни печали, ни страха нет у освободившегося от желаний.

Никакие беды не грозят тому, кто не влечется к имени и к образу.

«Все сотворенное непрочно», — кто мудро полагает так, тот преодолевает зло.

Тот мудр, тот завершил все дела, кто видит бездействие в действии и действие — в бездействии.

Тот поистине властвует над своими чувствами, кто не радуется и не печалится, слыша, касаясь, видя, вкушая и обоняя.

Не желай смерти, не желай жизни. Жди своего срока, как слуга ждет приказания.

Совершай надлежащее дело без привязанности, и ты достигнешь наивысшего.

Я смотрю на блага, приходящие ко мне, и на потери, приходящие ко мне, как на одно и то же, как на две свои руки. Вот я и счастлив.

Истинно велик тот, кому все равно — счастье или горе; кому все равно — булыжник или золото; кому все равно — приятное или неприятное; кому все равно — хула или хвала.

Радости полон мир для того, кто смотрит на всех без вражды и предубеждения.

Блажен тот, у кого радость в сердце. Разве не покрыта земля кожей для того, чьи ноги обуты?

Того называю я брахманом, кто миролюбив среди враждебных, спокоен среди размахивающих дубинками, отрешен среди привязанных к бытию.

Того называю я брахманом, кто преодолел привязанность и к добру, и ко злу, кто беспечален, бесстрастен, чист.

Того называю я брахманом, чей путь неведом ни богам, ни людям, — просветленного, лишнего желаний.

Того называю я брахманом, для кого не существует ничего ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем; кто ничем не владеет и ни к чему не привязан.

Что же я разъяснил? Существует несчастье — вот что я разъяснил. Существует источник несчастья — вот что я разъяснил. Существует прекращение несчастья — вот что я разъяснил. Существует путь к прекращению несчастья — вот что я разъяснил.

В отрешенности — конец всех печалей.

О ПРЕХОДЯЩЕМ И ВЕЧНОМ

Грудь, что некогда питала тебя, ты давишь, охваченный страстью; в лоне, что некогда породило тебя, ты предаешься наслаждению. Мать снова становится

супругой, супруга становится матерью, отец снова становится сыном, сын снова становится отцом. Так, словно вращающиеся ковши водочерпального колеса, движутся существа в круговороте бытия, вселяясь в материнское лоно и приходя в мир.

Мгновенно все сотворенное, смерть — суть рождения; едва возникнув, все разрушается. Блаженны достигшие покоя!

Из костей сложена эта крепость-тело; мясо и кровь скрепляют ее; старость и смерть, тщеславие и обман обитают в ней.

Ничтожен этот мир! Горному потоку подобна наша юность, горению травы подобен остаток жизни, теням облаков подобны наслаждения, сновидению подобен круг детей, друзей, слуг и женщин.

Сколько на свете разных путей, разных богов, разных наставников, разных обрядов, разных одежд, разных украшений, и все это вместе — одна майя.

Как две щепки встречаются в великом океане и, встретившись, расходятся, так встречаются и люди.

Словно встреча на дороге — наша жизнь с женой и близкими.

Жизнь наша — словно мираж, исчезающий во мгновение; зная это, сходишь с добрыми людьми ради добродетели и благополучия.

Разрушение — удел тела, счастье — обитель несчастья, встреча связана с разлукой. Непрочно все возникшее!

Тень облака, привязанность злодея, свежие зерна, женщины, юность и богатство недолго радуют нас.

Кто я? Кто ты? Что этот мир? Кто и зачем творит это зло? Один приходит в мир, другой уходит. Вся жизнь — цепь мгновенных перемен.

Здесь ничего нет, и там ничего нет; куда я ни пойду, нигде ничего нет. Поразмыслив, я вижу, что в мире ничего нет, кроме познания самого себя ничего нет.

Брахман, духовный по природе, неделим, лишен частей, бестелесен — лишь ради нужд поклоняющихся приписывают ему образы.

Ни науки, ни учитель не помогут постичь высшее существо — лишь самому можно постичь его.

Нет конца познанию, а жизнь скоротечна. Так не лучше ли, оставив сети наук, предаться размышлениям о высшей истине?

Сновидению подобен мир, полный привязанности и отвращения. Ослепленному он кажется действительностью, просвещенному — обманом.

Взирай на мир, как на пустоту, освободись от сознания своего «я», — и ты победишь смерть.

Для ослепленного страстью весь мир — одни женщины, для просвещенного весь мир — Брахман.

В ослепление говорят поэты о смерти. Обман —

вот как я называю смерть, не обман — вот как я называю бессмертие.

Кто видит во всех существах единую непреходящую сущность, кто видит в отдельных нераздельное, тот наделен благим знанием. Кто видит во всех существах многообразие и раздельность, знание того ослеплено страстью. Кто, не заботясь о причине и не постигая сущности, привязан к одному, словно ко всеобщему, знание того темно.

Кто постиг неразрушимое, вечное, изначальное, непреходящее — как может тот убивать или понуждать к убийству?

И бессмертие, и смерть обитают в нашем теле: смерть приходит от заблуждения, бессмертие приходит от добра.

Кто думает, что знает Брахмана, тот не знает его; кто думает, что не знает его, — тот знает.

«Я», «мое» — вот семя мирского бытия. Когда нет ни меня, ни моего, бытие угасает. Без семени нет рождения, как нет огня без топлива.

Как реки, лишившись своих имен и образов, вливаются в океан, так просвещенный, освободившись от имени и образа, сливается с высшим божественным существом.

Что здесь, то и там; что там, то и здесь. Кто видит в мире множественность, тот идет от смерти к смерти.

Разве станет печалиться тот, кто во всех разрозненных существах видит единое начало?

Тот истинно видит, кто видит высшего владыку, равно пребывающего во всех существах и не гибнущего с их гибелью.

Вера освободит тебя и уведет за пределы смерти.

Кто видит в себе все существа и себя во всех существах, тот не отвращается от своего состояния. Откуда придут ослепление и печаль к видящему единство, к знающему, что все существа — одно с ним самим?

Бог — в воде, бог — в равнине, бог — в вершине горы, бог — в пылающем огне, бог — повсюду.

Нет ничего отличного от Брахмана. Если что-либо кажется иным, чем Брахман, это мираж.

Поистине, Брахман это бессмертие, Брахман — впереди, Брахман — позади, Брахман — справа и слева, он простирается вниз и вверх, он — все сущее, он — величайший.

«Я — Брахман» — вот верный путь просвещенных к освобождению. «Мое» и «не мое» — таковы два пути: путь уз и путь освобождения.

Брахман — блаженство. Ибо, поистине, существа рождаются от блаженства; рожденные, они живут блаженством; умирая, они вступают в блаженство.

Все, что существует в этом мире, погружено в высшее существо.

В жизни есть «я» и Брахман, после смерти — один Брахман.

Ничто нигде и никогда не рождается и не умирает — то Брахман являет образы мира.

Брахман есть Атман.

В Атмане все становится единым.

Одну и ту же нить продевают сквозь золото, жемчуг, кораллы, глину. Один Атман пребывает в коровах, лошадях и людях, слонах и газелях, червях и насекомых.

Меньше малого, больше великого скрыт Атман в сердце каждого существа.

Вот мой Атман в сердце — меньший, чем зерно риса, чем ячменное зерно, чем горчичное семя, чем просяное зерно, чем ядро просяного зерна. Вот мой Атман в сердце — больший, чем земля, больший, чем воздушное пространство, чем небо, чем все миры.

«Не это! Не это!» — так определяется Атман. Он непостижим, ибо не постигается; неразрушим, ибо не разрушается; неприкрепляем, ибо не прикрепляется; не связан, не колеблется, не подвержен злу.

Высшая истина — в безмолвии просветленного.

Он находится во всех существах, он отличен от всех существ, существа не знают его, его тело — все существа; он правит всеми существами, пребывая в них. Это Атман.

Он всё, что было и что будет, он вечен, постижение его — победа над смертью. Нет другого пути к освобождению.

Неуничтожимо то, чем пронизан этот мир. Никто не в силах уничтожить непреходящее.

Не ради существ дороги существа, но ради Атмана дороги существа; не ради всего сущего дорого все, но ради Атмана дорого все сущее.

Ты — мать и ты — отец, ты — родич и ты — друг, ты — знание и ты — богатство. Ты — всё для меня, о бог богов!

Наше «я» — лишь отражение высшего существа.

Основа всего сущего Атман. Ты — одно с Тем.

Что ты — то и я, что я — то и ты. И я, и ты, и все существа — всегда в одном.

Поистине, это и то — одно и то же. В этой мысли — невыразимое блаженство.

УМЕН ЧЕЛОВЕК ИЛИ ГЛУП,
СТАР ИЛИ ЮН — ОН ПРОБУДИТСЯ РАЗУМОМ,
УЗНАВ ВСЕ ЭТО.

ПРИМЕЧАНИЯ

Атман — высшее индивидуальное начало, пронизывающее все сущее, коррелят Брахмана.

Брахман — высшая объективная реальность, абсолют, лежащий в основе всех явлений.

брахман — член высшего жреческого сословия в Индии.

Веды — древнейшие литературные памятники индуизма, состоящие из гимнов, ритуальных формул и комментариев к ним.

Гунджа — кустарник, приносящий темно-красные ядовитые ягоды.

Дважды рожденный — эпитет брахманов, а также членов воинского и торгового сословий, приобщившихся к знаниям и тем самым как бы достигших второго рождения.

Йоджана — мера длины (15 или 17 км).

Кали — железный век, последний из четырех в индийской мифологии (наряду с золотым, серебряным и медным), длящийся в настоящее время.

Корова почитается в индуизме священным животным.

Майя — обозначение непостоянного и переменчивого мирского бытия, всеобщей иллюзии, нереальности.

Пять элементов — согласно традиционным верованиям, тела состоят из пяти элементов: земли, воздуха, воды, огня и особой субстанции пространства («эфира»).

Семь островов — согласно древнеиндийской космографии, на земле имеется семь материков, составляющих всю сушу.

Чандала — член одной из наиболее бесправных каст в Индии.

Цена 17 коп.

